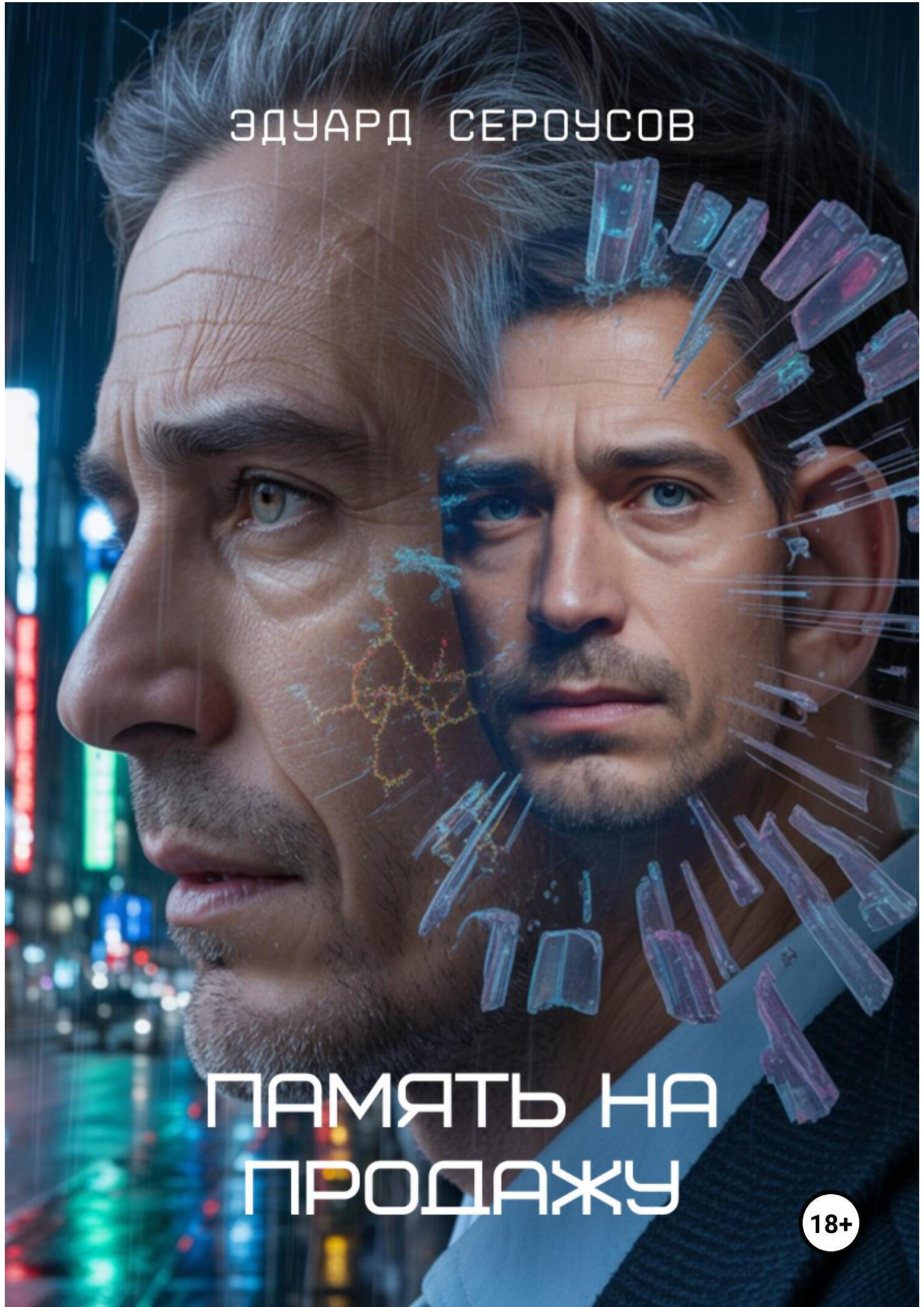

A movie poster featuring a close-up of actor Eduard Serousov. He has a serious expression and is looking slightly to the left. His face is overlaid with digital and scientific graphics: a DNA double helix on the left side of his face, and several translucent, crystalline structures resembling memory chips or data fragments on the right side, some of which appear to be floating or attached to his head. The background is a blurred city street at night with colorful neon lights. The overall tone is futuristic and mysterious.

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

ПАМЯТЬ НА
ПРОДАЖУ

18+

Эдуард Сероусов

Память на продажу

«Автор»

2025

Сероусов Э.

Память на продажу / Э. Сероусов — «Автор», 2025

В Нью-Харборе, городе будущего, где воспоминания стали товаром, Элиас Верн — успешный торговец памятью, специализирующийся на аутентификации редких энграммов. Когда он обнаруживает на черном рынке собственные детские воспоминания, которые никогда не продавал, его жизнь превращается в лабиринт интриг и опасностей. Погружаясь в расследование, Элиас сталкивается с тайной организацией, манипулирующей человеческими воспоминаниями, и постепенно обнаруживает шокирующую правду о собственном происхождении. В мире, где память определяет личность, ему предстоит ответить на главный вопрос: что действительно делает нас теми, кто мы есть?

© Сероусов Э., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 6: Архив	41
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эдуард Сероусов

Память на продажу

Часть первая: Торговец

Глава 1: Сделка

Дождь барабанил по стеклянному куполу атриума Мнемозины, создавая причудливый узор из капель и световых отражений. Элиас Верн наблюдал за этой природной симфонией сквозь тонированное стекло своего офиса, расположенного на верхнем этаже здания. Мегполис Нью-Харбор раскинулся за окном – бесконечная сеть неоновых артерий и стеклянных небоскребов, пронзающих низкие облака. Сквозь пелену дождя сияние города казалось размытым, словно чьи-то ускользающие воспоминания.

Элиас отвернулся от окна и перевел взгляд на энграмм, мерцающий на его рабочем столе. Кристаллическая структура пульсировала мягким голубоватым светом, который отражался в его серых глазах. В этом небольшом хранилище содержались воспоминания о восхождении на Эверест, запечатленные с первого лица – редкий и ценный товар. Элиас осторожно поднял контейнер, проверяя целостность оболочки. Для непрофессионала это был просто красивый светящийся кристалл, но для Элиаса каждое колебание цвета, каждый оттенок свечения рассказывал историю.

Таймер на его импланте запястья мигнул – клиент опаздывал уже на семь минут. Элиас поморщился. Богатые клиенты всегда считали, что могут распоряжаться чужим временем.

Дверь бесшумно отъехала в сторону, и в комнату вошел мужчина в безупречном костюме угольного цвета. Его лицо казалось неестественно гладким – результат последних косметических процедур, так популярных среди бизнес-элиты.

– Прошу прощения за задержку, мистер Верн, – произнес посетитель без тени искреннего сожаления в голосе. – Транспортные артерии сегодня перегружены из-за дождя.

Элиас кивнул, не считая нужным комментировать очевидное оправдание.

– Мистер Чжао, энграмм готов к передаче. Последние проверки подтвердили его целостность и подлинность.

Винсент Чжао, один из директоров корпорации "Нейролинк", был коллекционером премиальных воспоминаний. Его особенно привлекали экстремальные физические переживания – то, чем он сам никогда не занимался в реальной жизни.

– Великолепно, – Чжао опустился в кресло напротив Элиаса. – Я с нетерпением ждал этой сделки. Восхождение на Эверест от профессионального альпиниста... Такие переживания бесценны.

– Почти бесценны, – поправил его Элиас с легкой улыбкой. – Мы ведь договорились о вполне конкретной цене.

Чжао рассмеялся, демонстрируя ровные белые зубы.

– Разумеется, мистер Верн. Бизнес есть бизнес. Но, признаюсь, меня интересует, как вам удалось получить этот энграмм? Насколько я знаю, Джеймс Рейнер не продает свои воспоминания.

Элиас осторожно поместил энграмм в специальный футляр, защищающий хрупкую кристаллическую структуру.

– У каждого есть своя цена, мистер Чжао. Даже у знаменитого альпиниста. К тому же, у него возникли некоторые финансовые трудности после последней экспедиции. Я просто оказался в нужном месте в нужное время.

Это была лишь часть правды. Элиасу потребовалось три месяца кропотливой работы, чтобы убедить Рейнера продать воспоминание о его величайшем достижении. В отличие от

многих других торговцев памятью, Элиас не прибегал к давлению или шантажу – это было против его принципов.

– Прежде чем мы завершим сделку, – сказал Элиас, – я должен напомнить о стандартных ограничениях. Энграмм лицензирован для личного использования. Вы не имеете права копировать его, предоставлять в публичный доступ или использовать в коммерческих целях без дополнительного соглашения с первоисточником.

Чжао небрежно махнул рукой.

– Конечно, все формальности будут соблюдены. Я прекрасно знаю законодательство о памяти.

– Отлично, – кивнул Элиас. – В таком случае, я бы хотел получить оплату перед передачей энграмма.

Чжао прикоснулся к своему импланту запястья, и через несколько секунд интерфейс Элиаса мигнул, подтверждая поступление средств.

– Все в порядке, – подтвердил Элиас, проверив платеж. – Теперь давайте приступим к процедуре передачи. Предпочитаете провести первичную интеграцию здесь или заберете энграмм для самостоятельного использования?

– Я бы предпочел первое погружение здесь, под вашим наблюдением, – ответил Чжао. – Учитывая стоимость приобретения, хотелось бы убедиться в качестве товара.

Элиас кивнул и указал на эргономичное кресло в углу офиса. Кресло было оборудовано самыми современными нейроинтерфейсами для безопасной интеграции воспоминаний.

– Прошу вас, устраивайтесь поудобнее. Для первого сеанса я рекомендую неполное погружение – примерно семьдесят процентов от максимальной интенсивности. Восхождение на Эверест – это чрезвычайно сильное переживание, которое может оказаться шокирующим для неподготовленного сознания.

Чжао занял место в кресле, откинувшись на мягкую спинку. Элиас активировал систему и начал процедуру калибровки.

– Некоторые ощущают легкое головокружение при первичной интеграции, – предупредил он, аккуратно извлекая энграмм из футляра и помещая его в приемник системы. – Это нормально и пройдет через несколько секунд.

Элиас подключил свой личный интерфейс к системе, чтобы контролировать процесс интеграции. Как опытный торговец памятью, он мог отслеживать состояние клиента и при необходимости прервать сеанс.

– Готовы? – спросил он, наблюдая за биометрическими показателями Чжао на мониторе.

– Более чем, – ответил тот с предвкушающей улыбкой.

Элиас запустил процесс интеграции, и энграмм засветился ярче, пульсируя в ритме, синхронизированном с мозговыми волнами Чжао. Лицо клиента расслабилось, глаза закрылись, а дыхание стало глубоким и равномерным – признаки успешного погружения.

Элиас наблюдал за данными на мониторе, отмечая реакцию нервной системы Чжао на интегрируемые воспоминания. Эмоциональные всплески, выброс адреналина, учащенное сердцебиение – все указывало на то, что клиент переживал восхождение на Эверест так, будто сам находился там.

Однако через несколько минут Элиас заметил аномалию в данных. Небольшое расхождение в эмоциональном отклике, которое не соответствовало предыдущим тестам энграмма. Он нахмурился, увеличивая детализацию мониторинга. В определенной точке воспоминания наблюдался странный эмоциональный провал – словно часть переживания была... отредактирована.

Элиас мгновенно насторожился. Аутентичность воспоминаний была основой его репутации, и он лично проводил тестирование этого энграмма перед сделкой. Неужели он пропустил признаки подделки?

Он увеличил разрешение мониторинга, фокусируясь на проблемном участке. В структуре воспоминания обнаружилась микротрещина – почти незаметный разрыв в континууме переживания, настолько тонкий, что большинство аналитических систем его бы пропустили.

Лицо Чжао оставалось безмятежным – клиент не заметил аномалии, полностью погруженный в иллюзию покорения высочайшей вершины планеты.

Элиас проверил сертификат аутентичности энграмма. Все выглядело безупречно – цифровая подпись Рейнера, метаданные, временные метки. Но его опытный глаз видел то, что скрывалось за идеальным фасадом.

Через пятнадцать минут процедура интеграции подошла к концу, и Элиас плавно вывел Чжао из состояния погружения. Клиент открыл глаза, на его лице читалось выражение восторга и благоговения.

– Невероятно, – выдохнул он. – Абсолютно невероятно. Холод, разреженный воздух, эта бескрайняя панорама... Я словно действительно был там.

Элиас натянуто улыбнулся, принимая решение. Его репутация стоила дороже, чем эта сделка.

– Мистер Чжао, боюсь, у нас возникла проблема.

Восторженная улыбка медленно сползла с лица клиента.

– Проблема? Какого рода?

– С энграммом, – Элиас указал на монитор с данными. – Обнаружена аномалия, указывающая на потенциальную модификацию воспоминания.

Чжао выпрямился в кресле, его взгляд мгновенно стал холодным и оценивающим.

– Что именно вы имеете в виду, мистер Верн?

– Смотрите сюда, – Элиас вывел на основной экран увеличенное изображение структуры энграмма с выделенной аномалией. – Этот участок воспоминания демонстрирует признаки редактирования. Очень тонкого, почти незаметного, но тем не менее реального.

– И что это означает для меня как покупателя? – в голосе Чжао появились стальные нотки.

– Это означает, что я не могу гарантировать полную аутентичность данного энграмма, – прямо ответил Элиас. – А значит, сделка аннулируется. Я верну вам полную сумму и принесу свои извинения за доставленные неудобства.

Чжао смотрел на него долгим оценивающим взглядом.

– Большинство торговцев просто закрыли бы на это глаза, мистер Верн. Особенно учитывая сумму сделки.

– Я не большинство, – спокойно ответил Элиас. – Моя репутация строится на абсолютной гарантии подлинности. Я не торгую подделками или отредактированными воспоминаниями, если только клиент не запрашивает это специально.

– Похоже, ваша репутация не преувеличена, – заметил Чжао с неожиданным уважением. – Но меня беспокоит другой вопрос: если вы, с вашим опытом, не заметили эту модификацию при первичном тестировании, насколько распространены такие подделки на рынке?

Это был хороший вопрос, который уже беспокоил самого Элиаса.

– Технология редактирования воспоминаний совершенствуется, – признал он. – То, что мы видим здесь, может быть работой нового алгоритма, способного обходить стандартные протоколы проверки. Я обязательно проведу расследование.

Элиас активировал свой финансовый интерфейс и инициировал возврат средств.

– Деньги будут возвращены на ваш счет в течение нескольких минут. Приношу извинения за эту ситуацию.

Чжао поднялся с кресла, поправляя костюм.

– Не извиняйтесь за честность, мистер Верн. Это редкое качество в наши дни. – Он сделал паузу. – Когда вы найдете действительно подлинные воспоминания о покорении Эвереста, дайте мне знать. Я по-прежнему заинтересован.

– Разумеется, – кивнул Элиас.

После ухода клиента Элиас вернулся к своему рабочему столу и взял проблемный энграмм. Он включил более мощную аналитическую систему и начал детальное сканирование кристаллической структуры. Через несколько минут система выдала результат, подтверждающий его подозрения: воспоминание было искусно модифицировано, причем не в одном, а в нескольких местах.

Элиас откинулся в кресле, обдумывая ситуацию. Рейнер не производил впечатления человека, который стал бы подделывать свои воспоминания. Альпинист гордился своими достижениями и дорожил своей репутацией не меньше, чем сам Элиас. Это означало, что вмешательство произошло где-то в цепочке между извлечением воспоминания и его доставкой в офис Мнемозины.

Он активировал защищенную линию связи и набрал номер Рейнера. После нескольких гудков вызов был принят.

– Джеймс? Это Элиас Верн.

– Элиас, – голос альпиниста звучал напряженно. – Я как раз собирался связаться с тобой.

– У нас проблема, – сказал Элиас. – Энграмм вашего восхождения на Эверест показывает признаки модификации.

На другом конце линии воцарилось молчание.

– Джеймс?

– Я знаю, – наконец ответил Рейнер. – Мне... мне нужно с тобой встретиться, Элиас. Не по коммунитатору. Кое-что происходит... что-то нехорошее.

Элиас выпрямился, мгновенно насторожившись.

– Когда и где?

– Сегодня в 22:00, – ответил Рейнер. – "Последний Пик" в Нижнем Городе. Знаешь это место?

– Найду, – коротко ответил Элиас.

– Будь осторожен, – сказал Рейнер перед тем, как отключиться. – Не уверен, кому можно доверять.

Связь прервалась, оставив Элиаса в тишине офиса, нарушаемой лишь шумом дождя за окном. Он посмотрел на энграмм, по-прежнему светящийся мягким голубым светом на его столе. Что-то происходило на рынке памяти – что-то новое и потенциально опасное. Как человек, построивший свою карьеру на безупречной репутации торговца аутентичными воспоминаниями, Элиас не мог игнорировать эту угрозу.

Он осторожно поместил энграмм в защищенное хранилище и начал готовиться к встрече. Нижний Город был не самым безопасным местом в Нью-Харборе, особенно в вечернее время. Элиас открыл скрытый отсек в своем рабочем столе и достал компактный электрошокер – единственное оружие, которое он считал необходимым для самозащиты.

Экран его личного интерфейса мигнул, отображая входящее сообщение от Серы Ким. "Нам нужно поговорить. Появилась новая разновидность синтетических воспоминаний. Очень убедительная."

Элиас нахмурился. Совпадение? Маловероятно. Он отправил короткий ответ: "Уже в курсе. Свяжусь позже."

Сумерки опускались на Нью-Харбор, а дождь усиливался, барабана по стеклянному куполу атриума. Элиас смотрел на раскинувшийся перед ним город, мерцающий неоновыми огнями сквозь пелену дождя. Где-то там, среди этого лабиринта стекла и стали, скрывался

ответ на вопрос, беспокоивший его все сильнее: кто и зачем совершенствует технологию фальсификации воспоминаний?

Пока он не знал ответа, но был полон решимости его найти. В мире, где память стала товаром, подлинность оставалась единственной настоящей ценностью. И Элиас намеревался защитить ее, чего бы это ни стоило.

"Нижний Город, 22:00," – мысленно повторил он. Встреча с Рейнером могла дать ответы, которые он искал... или привести к новым, еще более тревожным вопросам.

За окном Нью-Харбор продолжал жить своей беспокойной жизнью, равнодушный к тревогам одного торговца памятью, стоящего на пороге открытия, которое изменит не только его жизнь, но и само понимание человеческой идентичности.

Глава 2: Инвентаризация

Дождь не прекращался, превращая улицы Нью-Харбора в зеркальные поверхности, отражающие бесконечные неоновые вывески и голографические рекламные щиты. Элиас Верн вел свой автомобиль через плотный вечерний трафик, направляясь к хранилищу в деловом районе города. После неудачной сделки с Чжао и тревожного разговора с Рейнером он решил проверить свою коллекцию энграммов на предмет других возможных подделок.

Охранная система хранилища приветствовала его мягким голосом: «Добрый вечер, мистер Верн. Последнее посещение было зафиксировано 72 часа назад».

Элиас прошел через серию биометрических проверок – сканирование сетчатки, голосовая идентификация, анализ походки. Для торговца высококлассными воспоминаниями такие меры безопасности были не излишеством, а необходимостью. Дверь хранилища бесшумно отъехала в сторону, пропуская его внутрь.

Помещение представляло собой небольшую комнату с климат-контролем, поддерживающим оптимальные условия для хранения энграммов. Вдоль стен располагались стеллажи с прозрачными контейнерами, в которых мерцали кристаллические структуры различных оттенков – от глубокого синего до насыщенного красного. Каждый энграмм был тщательно каталогизирован и снабжен детальным описанием содержащихся в нем воспоминаний.

Элиас подошел к центральному терминалу и активировал систему инвентаризации. Голографический дисплей развернулся перед ним, отображая полный каталог его коллекции – более трехсот уникальных энграммов, некоторые из которых стоили целое состояние.

– Система, запустить полную диагностику коллекции, – скомандовал он. – Особое внимание уделить структурной целостности и признакам модификации.

– Начиная диагностику, – отозвался искусственный интеллект системы. – Расчетное время выполнения – сорок три минуты.

Пока система работала, Элиас методично осматривал помещение, проверяя физическую безопасность хранилища. Все выглядело нетронутым – ни единого признака несанкционированного доступа. Однако когда он дошел до дальнего угла комнаты, его взгляд зацепился за едва заметную царапину на одном из нижних контейнеров.

Элиас наклонился, внимательно изучая повреждение. Это была не обычная царапина, а след от специализированного инструмента, используемого для обхода защитных систем. Сердце Элиаса учащенно забилося. Кто-то пытался получить доступ к его хранилищу, причем совсем недавно.

Он быстро проверил содержимое поврежденного контейнера. Внутри находился энграмм насыщенного изумрудного оттенка – редкое воспоминание о погружении в глубины Марианской впадины, полученное от исследователя океана Елены Макаровой. Энграмм выглядел нетронутым, но Элиас не мог быть уверен без детальной проверки.

Система инвентаризации издала звуковой сигнал, привлекая его внимание.

– Обнаружена аномалия в системе безопасности, – сообщил искусственный интеллект. – Журнал доступа содержит несоответствие: зафиксировано открытие двери хранилища в 02:17 этой ночью, но биометрическая идентификация отсутствует.

Элиас напрягся. Кто-то взломал его хранилище, обойдя одну из лучших систем безопасности в Нью-Харборе. Это был не обычный вор – такое под силу только профессионалу высочайшего класса.

– Система, активировать протокол «Тезей», – распорядился Элиас. – Полная проверка каждого энграмма на соответствие исходному сертификату аутентичности.

– Протокол «Тезей» активирован, – подтвердил ИИ. – Это займет дополнительно два часа семнадцать минут.

Элиас стиснул зубы. У него не было столько времени – встреча с Рейнером была назначена на 22:00. Он решил проверить наиболее ценные экземпляры вручную.

Пока он занимался проверкой, его нейроинтерфейс завибрировал, сообщая о входящем вызове. Имя вызывающего заставило Элиаса немедленно ответить.

– Марсель, – произнес он, активируя голосовую связь. – Я как раз собирался тебе звонить.

– Элиас, мой мальчик, – голос Марселя Торна звучал, как всегда, с легким французским акцентом, несмотря на десятилетия, проведенные в Нью-Харборе. – Надеюсь, я не отвлекаю тебя от чего-то важного?

– Вообще-то, у меня проблема, – ответил Элиас. – Кто-то проник в мое хранилище прошлой ночью.

На линии воцарилось молчание.

– Ты уверен? – наконец спросил Марсель, его голос стал заметно напряженнее.

– Абсолютно. Система зафиксировала несанкционированный доступ, и я нашел следы взлома на одном из контейнеров.

– Что-нибудь украли?

– Пока не уверен. Похоже, что нет, но я запустил полную проверку коллекции.

– Интересно, – протянул Марсель. – Очень интересно. Возможно, это связано с тем, о чем я хотел поговорить. Ты сейчас в хранилище?

– Да.

– Оставайся там. Я буду через пятнадцать минут.

Связь прервалась, оставив Элиаса с растущим чувством тревоги. Марсель Торн не склонен к паникам и лишним движениям. Если он считает необходимым лично приехать, значит, дело действительно серьезное.

Элиас вернулся к проверке энграммов, но теперь работал еще более методично, проверяя каждый сертификат аутентичности и структурную целостность каждого кристалла. К тому времени, как система оповестила о прибытии Марселя Торна, он проверил около трети коллекции, не обнаружив никаких признаков подделки или кражи.

Дверь хранилища открылась, и в помещение вошел высокий мужчина в элегантном темно-синем плаще, с тростью из полированного дерева. Несмотря на возраст – Марселю было далеко за семьдесят – он держался прямо, а его движения сохраняли былую грацию. Седые волосы были аккуратно зачесаны назад, открывая высокий лоб с несколькими глубокими морщинами – единственным явным признаком его возраста.

– Mon ami, – приветствовал он Элиаса, протягивая руку. – Всегда рад тебя видеть, хотя предпочел бы более приятные обстоятельства.

Элиас пожал руку своему наставнику. Марсель Торн был старейшим и наиболее уважаемым торговцем воспоминаниями в Нью-Харборе, человеком, который ввел Элиаса в этот бизнес пятнадцать лет назад.

– Я тоже рад тебя видеть, Марсель. Спасибо, что приехал так быстро.

Торн обвел взглядом хранилище, его проницательные голубые глаза, казалось, замечали мельчайшие детали.

– Покажи мне, где ты обнаружил следы взлома.

Элиас подвел Марселя к поврежденному контейнеру и указал на царапины.

– Здесь. Похоже на работу «призрака» – специализированного инструмента, используемого высокочеловеческими взломщиками для обхода био-защиты.

Марсель наклонился, внимательно изучая повреждения. Затем достал из кармана плаща миниатюрный сканер и провел им над контейнером.

– Ты прав, – кивнул он после изучения результатов сканирования. – Это определенно «призрак» последнего поколения. Очень дорогая игрушка, доступная лишь немногим. – Он выпрямился и посмотрел на Элиаса. – Что еще ты обнаружил?

– Система зафиксировала открытие двери хранилища в 02:17 ночи, но без биометрической идентификации. Я проверил треть коллекции, но пока не нашел ничего подозрительного – ни одного отсутствующего или подделанного энграмма.

– Это странно, – задумчиво произнес Марсель. – Зачем кому-то взламывать твоё хранилище, если не для кражи?

– Возможно, они искали что-то конкретное, но не нашли, – предположил Элиас. – Или это была разведка перед более масштабным вторжением.

– Или... – Марсель сделал паузу, – они пришли не за энграммами, а за информацией о них. За метаданными.

Элиас моргнул, осознавая возможность, которую он упустил.

– Система, проверить целостность базы данных и журнала транзакций, – быстроскомандовал он.

– Проверка инициирована, – отозвался ИИ. – Обнаружено несанкционированное копирование данных клиентов и источников воспоминаний. Примерно 43% записей были скопированы.

Элиас почувствовал, как кровь отливает от его лица. База данных содержала конфиденциальную информацию о людях, продавших свои воспоминания, включая их личные данные и контактную информацию. В неправильных руках эта информация могла быть использована для шантажа, мошенничества или похищения ценных воспоминаний непосредственно из источников.

– Merde, – тихо выругался Марсель. – Это гораздо хуже, чем я думал.

– Ты знаешь что-то об этом, не так ли? – Элиас внимательно посмотрел на своего наставника. – Поэтому ты так быстро приехал.

Марсель кивнул, его лицо стало серьезным.

– Я слышал слухи, Элиас. Тревожные слухи. В последние недели появился новый игрок на черном рынке памяти. Кто-то с серьезными технологическими возможностями и амбициозными планами.

– Какие именно слухи?

– Говорят, этот новый игрок специализируется на детских воспоминаниях. Особенно ярких, эмоциональных переживаниях из раннего детства – от трех до десяти лет.

Элиас нахмурился.

– Но это незаконно. Никто не может легально продавать воспоминания, полученные до достижения двадцати одного года.

– С каких пор закон останавливал черный рынок? – пожал плечами Марсель. – Суть в том, что эти воспоминания описываются как необычайно яркие, с такой эмоциональной интенсивностью, которую редко встретишь даже в самых качественных энграммах.

– Звучит подозрительно, – заметил Элиас. – Детские воспоминания обычно фрагментарны и размыты. Нейронные связи еще не полностью сформированы, поэтому дети не создают таких четких энграмм, как взрослые.

– Именно, – кивнул Марсель. – И это заставляет меня думать, что мы имеем дело с чем-то новым. Возможно, с усовершенствованной технологией синтеза или модификации воспоминаний.

Элиас вспомнил о своей недавней встрече с Чжао и проблемном энграмме Рейнера.

– Сегодня я обнаружил признаки модификации в воспоминании, которое считал полностью аутентичным. Восхождение на Эверест, полученное от Джеймса Рейнера. Изменения были настолько тонкими, что я заметил их только во время передачи клиенту.

– Это подтверждает мои опасения, – мрачно сказал Марсель. – Кто-то разработал новый, более совершенный метод манипуляции с энграммами, способный обходить стандартные протоколы проверки.

Элиас активировал голографический дисплей терминала и вывел журнал скопированных данных.

– Система, определить закономерности в скопированных записях. Есть ли что-то общее у этих клиентов или источников?

– Анализирую, – отозвалась система. – Обнаружена закономерность: 87% скопированных записей относятся к источникам воспоминаний в возрасте от 30 до 45 лет, родившимся в северном полушарии.

– Это довольно широкая демографическая группа, – нахмурился Элиас. – Какие еще закономерности?

– 62% скопированных записей относятся к источникам, продавшим воспоминания о детстве или юности.

Элиас и Марсель обменялись тревожными взглядами.

– Это подтверждает твою теорию, – сказал Элиас. – Они охотятся за детскими воспоминаниями или за людьми, которые готовы их продать.

– Вопрос в том, зачем? – задумчиво произнес Марсель. – Детские воспоминания, несомненно, ценны, но не настолько, чтобы оправдать такую сложную операцию.

– Если только они не используются для чего-то большего, чем простая перепродажа, – предположил Элиас. – Например, для создания синтетических личностей или для какого-то нового вида психологического воздействия.

Марсель кивнул, его лицо выражало глубокую озабоченность.

– В любом случае, мой мальчик, тебе следует быть очень осторожным. Взлом твоего хранилища – это не просто кража данных, это предупреждение.

– Предупреждение?

– О том, что ты привлек чье-то внимание. Возможно, из-за твоей репутации эксперта по аутентификации воспоминаний. – Марсель положил руку на плечо Элиаса. – Я советую тебе на время прекратить все сделки, особенно связанные с детскими воспоминаниями, и усилить безопасность.

Элиас задумался. У него была назначена встреча с Рейнером, который, возможно, мог пролить свет на происходящее. Но стоит ли рисковать?

– Мне нужно встретиться кое с кем сегодня вечером, – сказал он. – С Джеймсом Рейнером, чье воспоминание было модифицировано. Он звучал обеспокоенным и хотел поговорить лично.

Марсель нахмурился.

– Где и когда?

– «Последний Пик» в Нижнем Городе, в 22:00.

– «Последний Пик»? – Марсель поднял брови. – Странный выбор для человека вроде Рейнера. Это не самое безопасное место.

– Именно поэтому я думаю, что он выбрал его – чтобы избежать нежелательного внимания, – ответил Элиас. – Он явно напуган.

– В таком случае, я пойду с тобой, – решительно заявил Марсель. – В Нижнем Городе полезно иметь дополнительную пару глаз, особенно если эти глаза видели больше, чем большинство.

Элиас знал, что спорить бесполезно. Несмотря на возраст, Марсель Торн был не просто опытным торговцем памятью – в молодости он работал в службе безопасности одной из крупнейших корпораций Нью-Харбора и до сих пор сохранял навыки из тех времен.

– Хорошо, – согласился он. – Встретимся здесь в 21:30 и поедем вместе.

– Отлично, – кивнул Марсель. – А пока давай завершим проверку твоей коллекции. Я хочу быть уверен, что никакие другие энграммы не были скомпрометированы.

Следующий час они провели, методично проверяя каждый энграмм в хранилище, сверяя его с оригинальным сертификатом аутентичности. К их облегчению, никаких других признаков подделки или вмешательства обнаружено не было.

– Похоже, их интересовала только информация, – заключил Марсель, когда они завершили проверку. – Что само по себе тревожно.

Элиас кивнул, закрывая терминал и активируя усиленный режим безопасности хранилища.

– Система, протокол «Цербер», – скомандовал он. – Полная изоляция и многоуровневая аутентификация для всех последующих доступов.

– Протокол «Цербер» активирован, – подтвердил ИИ. – Хранилище переведено в режим максимальной защиты.

Марсель одобрительно кивнул.

– Разумная предосторожность. – Он посмотрел на свой винтажный наручный хронометр. – У нас еще есть время перед встречей. Может быть, перекусим? Я знаю отличное место неподалеку.

Элиас покачал головой.

– Мне нужно подготовиться. Вернусь в офис, проверю новости рынка памяти, посмотрю, нет ли каких-либо необычных сделок или слухов, которые могли бы пролить свет на происходящее.

– Как всегда, сосредоточен на работе, – улыбнулся Марсель, но в его глазах мелькнула тень беспокойства. – Хорошо, увидимся в 21:30. Будь осторожен, Элиас.

После ухода Марселя Элиас еще раз обвел взглядом хранилище. Сотни энграммов мерцали в полумраке, каждый содержал фрагмент чьей-то жизни, момент радости, печали, страха или восторга. Кристаллизованные человеческие переживания, превращенные в товар.

Впервые за долгое время Элиас почувствовал укол сомнения в правильности своей профессии. Что происходит с миром, когда самые личные аспекты человеческого опыта становятся предметом купли-продажи? И куда это может привести, если технологии модификации воспоминаний продолжают совершенствоваться?

Отогнав философские размышления, Элиас активировал последний уровень безопасности и покинул хранилище. За окнами Нью-Харбор тонул в вечернем дожде, неоновые отражения дрожали в лужах на асфальте. Где-то в этом безжалостном городе скрывались ответы на его вопросы, и сегодня вечером он намеревался найти хотя бы некоторые из них.

Но по пути к своему офису Элиас не мог отделаться от ощущения, что за ним наблюдают – невидимые глаза следили за каждым его движением, анализировали каждое действие. Возможно, это была паранойя, порожденная недавними событиями. А возможно, его инстинкты пытались предупредить о надвигающейся угрозе, масштабы которой он еще не мог осознать.

Глава 3: Рынок

Нижний Город Нью-Харбора представлял собой причудливый лабиринт узких улочек, зажатых между обветшалыми многоэтажками, построенными еще в прошлом веке. Здесь архитектура современности соседствовала с руинами прошлого, создавая уникальную атмосферу забытого времени. В отличие от сияющих небоскребов центра, в Нижнем Городе неоновые вывески были тусклее, голографические проекции дрожали из-за устаревших проекторов, а люди двигались с настороженностью загнанных животных.

Элиас и Марсель прибыли в этот район за полчаса до назначенной встречи. Их автомобиль, несмотря на неприметный вид, все равно выглядел здесь слишком дорогим и привлекал нежелательные взгляды, поэтому они оставили его на охраняемой стоянке на границе района и дальше двинулись пешком.

– Давно я не бывал в этих краях, – заметил Марсель, поднимая воротник своего плаща для защиты от моросящего дождя. – Ничего не изменилось. То же отчаяние, та же безнадежность.

Элиас молча кивнул. Он посещал Нижний Город чаще, чем хотел бы признать, – это место было неиссякаемым источником редких и экзотических воспоминаний. Люди здесь продавали свои самые ценные переживания, чтобы выжить, расплатиться с долгами или купить дозу синтетических эмоций.

– «Последний Пик» должен быть за следующим поворотом, – сказал Элиас, сверяясь с навигационной проекцией на своем импланте.

Заведение располагалось в полуподвальном помещении обшарпанного здания. Неоновая вывеска, изображающая стилизованную горную вершину, тускло светила над входом, периодически мигая из-за нестабильности энергоснабжения. У входа стоял крупный мужчина с имплантированными боевыми модификациями, который внимательно оглядывал каждого приближающегося посетителя.

– Позволь мне, – тихо сказал Марсель, когда они приблизились к охраннику.

К удивлению Элиаса, его наставник и охранник обменялись едва заметными жестами, после чего мужчина кивнул и отступил в сторону, пропуская их внутрь.

– Старые связи, – пояснил Марсель в ответ на вопросительный взгляд Элиаса. – В нашем бизнесе полезно поддерживать контакты во всех слоях общества.

Внутри «Последний Пик» оказался темным, прокуренным заведением с низким потолком и тесно расставленными столиками. В углу располагалась небольшая сцена, где женщина с устаревшими голосовыми модификациями исполняла меланхоличную песню на языке, который Элиас не смог идентифицировать. Воздух был пропитан запахом дешевого алкоголя, синтетического табака и чего-то химического – вероятно, следами запрещенных веществ для усиления эмоционального восприятия.

– Вижу его, – сказал Элиас, заметив Рейнера за столиком в дальнем углу.

Джеймс Рейнер, знаменитый альпинист, покоривший высочайшие вершины мира, казался здесь неуместным, как экзотическая птица в клетке. Его атлетическое телосложение и загорелая кожа контрастировали с бледными, истощенными обитателями Нижнего Города. Он нервно вертел в руках стакан с янтарной жидкостью, постоянно оглядываясь по сторонам.

Заметив приближающихся Элиаса и Марселя, Рейнер вздрогнул, но затем его лицо отразило облегчение.

– Элиас, – он протянул руку для приветствия. – Спасибо, что пришел. – Его взгляд переместился на Марселя, и в глазах мелькнуло подозрение.

– Это Марсель Торн, мой наставник и друг, – представил его Элиас. – Ему можно доверять.

Рейнер колебался секунду, затем кивнул.

– Присаживайтесь, – он указал на свободные стулья. – Лучше говорить тихо. Стены в таких местах имеют уши.

Когда они расположились за столиком, Рейнер наклонился вперед и заговорил почти шепотом:

– Элиас, то, что произошло с моим энграммом... это не случайность. Меня заставили внести эти изменения.

– Заставили? – переспросил Элиас. – Кто?

– Я не знаю, кто они такие, – покачал головой Рейнер. – Они никогда не называли имен или организаций. Связывались только через зашифрованные каналы, всегда с разных узлов.

– Но чего они хотели? – настаивал Марсель.

– Они сказали, что им нужно... оптимизировать некоторые моменты в моем воспоминании о восхождении на Эверест. – Рейнер сделал глоток из своего стакана. – Сначала я отказался, но потом начались угрозы. Они знали всё о моей семье, моих финансах, каждом моем шаге. Они даже прислали мне копии моих собственных воспоминаний, которые я никогда не продавал.

Элиас и Марсель обменялись взглядами. Это соответствовало тому, что они уже знали о новом игроке на рынке памяти.

– Что именно они изменили в воспоминании? – спросил Элиас.

– Несколько ключевых моментов восхождения, – ответил Рейнер. – В основном связанных с ощущением опасности и преодоления. Они хотели, чтобы определенные эмоциональные пики были... приглушены. И наоборот, некоторые моменты умиротворения и созерцания были усилены.

– Зачем? – недоуменно спросил Элиас.

– Я не знаю, – покачал головой Рейнер. – Но я не единственный. Они подходили к другим источникам уникальных воспоминаний с похожими предложениями. Некоторые согласились добровольно, за деньги.

– Как ты узнал об этом? – поинтересовался Марсель.

– У нас есть неформальное сообщество – люди, продающие воспоминания об экстремальных приключениях. Мы поддерживаем связь, обмениваемся информацией о потенциальных покупателях, ценах... – Рейнер нервно огляделся. – Послушайте, я думаю, они мониторят эти разговоры. Я не могу долго оставаться на одном месте.

– Понимаю, – кивнул Элиас. – Есть ли что-то еще, что ты можешь рассказать? Любая деталь может помочь.

Рейнер колебался, явно борясь с собой.

– Есть кое-что... Я слышал слухи о новом типе воспоминаний, которые появились на черном рынке. Детские воспоминания, но невероятно яркие и детальные, с такой эмоциональной интенсивностью, которую я никогда раньше не встречал.

– Мы тоже слышали об этом, – кивнул Марсель.

– Но есть кое-что еще, чего вы, возможно, не знаете, – Рейнер понизил голос до едва слышного шепота. – Говорят, что некоторые из этих энграмм имеют странный эффект на получателей. Они... меняют людей.

– Меняют? Каким образом? – напрягся Элиас.

– Тонкие изменения в поведении, предпочтениях, даже в базовых эмоциональных реакциях. Как будто чужие детские воспоминания перезаписывают часть личности получателя. – Рейнер сделал паузу. – Есть подпольный салон памяти на южной окраине Нижнего Города, называется «Колыбельная». Там можно найти эти энграммы... и человека по имени Дакс. Он один из первых, кто испытал их на себе. И поверьте, результаты пугающие.

– Этот Дакс, – уточнил Элиас, – он сам приобретал эти энграммы?

– Да. Он... своего рода наркоман воспоминаний. Человек, зависимый от чужих переживаний. – Рейнер допил содержимое своего стакана. – Дакс может рассказать вам больше. Если, конечно, он все еще в состоянии вести связную беседу.

Внезапно Рейнер напрягся, его взгляд зафиксировался на входе в заведение.

– Мне пора, – резко сказал он, вставая. – Они здесь.

– Кто? – Элиас обернулся, но не увидел ничего подозрительного.

– Не смотрите на них, – прошепел Рейнер. – Слушайте, вот координаты «Колыбельной». – Он передал Элиасу крошечный чип данных. – Найдите Дакса. И будьте осторожны.

С этими словами Рейнер быстро направился к задней части заведения, где, по-видимому, находился запасной выход.

Элиас хотел последовать за ним, но Марсель остановил его, положив руку на плечо.

– Не привлекай внимания, – тихо сказал он. – Давай посидим еще несколько минут, а потом спокойно уйдем.

Элиас неохотно согласился, внимательно изучая посетителей в поисках тех, кто мог напугать Рейнера. Его взгляд остановился на двух мужчинах у бара, одетых слишком аккуратно для этого места. Они не выглядели угрожающе, но в их спокойствии было что-то настораживающее – словно хищники, уверенные в своей добыче.

– Вижу их, – прошептал Элиас. – У бара. Серый костюм и темно-синяя куртка.

Марсель незаметно бросил взгляд в указанном направлении.

– Профессионалы, – оценил он. – Судя по осанке и глазам, военная подготовка или частная охрана высшего класса.

– Кому могут понадобиться такие серьезные ресурсы для охоты за воспоминаниями? – задумчиво произнес Элиас.

– Тому, кто видит в них нечто большее, чем просто товар для развлечений или коллекционирования, – ответил Марсель. – Допей свой напиток, и уходим. Нам нужно найти этого Дакса.

Они покинули «Последний Пик» через главный вход, намеренно не торопясь и не проявляя признаков беспокойства. Мужчины у бара проводили их взглядами, но не сделали попытки последовать за ними.

Оказавшись на улице, Элиас активировал чип данных, полученный от Рейнера. На его импланте высветились координаты «Колыбельной» – заведения, расположенного в еще более глубоких уровнях Нижнего Города.

– Это в десяти кварталах отсюда, – сообщил он Марселю. – В так называемом Сумеречном секторе.

– Сумеречный сектор, – Марсель покачал головой. – Район, где обитают те, кто практически живет в чужих воспоминаниях. Настоящие наркоманы памяти.

– Ты был там раньше?

– Давным-давно, – кивнул Марсель. – И это не то место, куда стоит ходить без подготовки. – Он коснулся своего плаща в месте, где, как подозревал Элиас, был спрятан какой-то вид оружия. – К счастью, я подготовился.

Путь к «Колыбельной» проходил через все более мрачные и запущенные части Нижнего Города. Улицы становились уже, здания – ниже и обветшалее, а люди вокруг – все более странными. Здесь встречались индивиды с явными признаками зависимости от памяти: отсутствующий взгляд, нервные тики, непроизвольные эмоциональные реакции на невидимые стимулы. Некоторые бормотали себе под нос, переживая чужие диалоги, другие замирали на месте, захваченные вспышками имплантированных воспоминаний.

– Вот она, цена доступности технологии памяти, – мрачно заметил Марсель, когда они проходили мимо человека, сидящего прямо на тротуаре и безостановочно повторяющего одну и ту же фразу на незнакомом языке. – Когда-то эти импланты были доступны только элите. Теперь любой может получить базовую модель и подсесть на дешевые воспоминания.

Элиас молчал. В его бизнесе было негласное правило: не обсуждать социальные последствия торговли памятью. Это была сфера политиков, этических комитетов и философов. Торговцы просто удовлетворяли спрос.

«Колыбельная» располагалась в подвале здания, которое, судя по архитектуре, когда-то было фабрикой. Никакой вывески, только нанесенный на стену символ, изображающий закрытый глаз – знак, известный в определенных кругах как маркер подпольного салона памяти.

У входа стояли двое охранников с очевидными нейроимплантами боевого класса. Один из них шагнул вперед, преграждая путь.

– Бизнес? – спросил он монотонным голосом.

– Мы ищем Дакса, – ответил Элиас. – По рекомендации общего друга.

Охранник изучал их несколько секунд, его зрачки расширились и сузились – признак активной работы оптических сканеров.

– Оружие оставьте здесь, – наконец сказал он. – Получите обратно, когда будете уходить.

Марсель без возражений извлек из-под плаща компактный пистолет и передал охраннику. Элиас последовал его примеру, отдав свой электрошокер.

– Дакс сегодня в синей комнате, – сообщил охранник, отступая в сторону. – Третья дверь справа по коридору.

Внутри «Колыбельная» оказалась удивительно чистым и хорошо организованным заведением. Центральный зал был оформлен в минималистичном стиле, с несколькими отдельными кабинками для частного погружения в воспоминания. В углу располагалась барная стойка, за которой невысокая женщина с полностью черными глазами (очевидно, модифицированными для улучшенного ночного зрения) смешивала коктейли.

Коридор, о котором говорил охранник, вел к ряду дверей разных цветов. Третья справа была окрашена в глубокий синий цвет, напоминающий оттенок энграмма с интенсивными эмоциональными воспоминаниями.

Элиас постучал, и после паузы дверь открылась. В комнате царил полумрак, освещаемый лишь мягким голубоватым светом, исходящим от небольшой коллекции энграммов на центральном столе.

На широкой кушетке полулежал мужчина, возраст которого было трудно определить. Его истощенное тело и изможденное лицо могли принадлежать как тридцатилетнему, так и пятидесятилетнему. Но наиболее тревожной деталью были его глаза – пустые, с расширенными зрачками, которые, казалось, смотрели сквозь реальность в какой-то иной мир.

– Дакс? – осторожно позвал Элиас.

Мужчина медленно повернул голову, его взгляд с трудом сфокусировался на посетителях.

– Новые лица, – произнес он хриплым, неиспользуемым голосом. – Так редко... так редко вижу новые лица. – Он попытался сесть прямее. – Вы принесли что-то новое? Что-то... свежее?

– Мы здесь не для того, чтобы продавать, Дакс, – ответил Элиас, осторожно приближаясь. – Мы хотим поговорить о новых энграммах на рынке. Детских воспоминаниях.

Лицо Дакса изменилось, глаза расширились еще больше, а в голосе появилось странное воодушевление.

– А-а-а, вы ищете «истоки»... – он улыбнулся, обнажая неровные зубы. – Самые чистые, самые яркие... Они как первый глоток воздуха для утопающего.

– «Истоки»? – переспросил Марсель, закрывая за собой дверь. – Так их называют?

– Так их называет Он, – кивнул Дакс. – Коллекционер. Тот, кто нашел способ извлекать самые глубокие детские воспоминания... те, что обычно недоступны.

– Кто этот Коллекционер? – спросил Элиас.

Дакс покачал головой, на его лице отразился страх.

– Не знаю имени. Никто не знает. Только псевдоним – Архитектор. – Он нервно огляделся, словно опасаясь, что кто-то может подслушивать. – Он не продает напрямую. Действует через посредников, салоны высшего класса, частные аукционы.

– И ты пробовал эти... «истоки»? – осторожно спросил Элиас.

Выражение лица Дакса стало мечтательным, почти экстатическим.

– Да... о да... Первый день в школе. Запах маминых духов. Вкус домашнего печенья... – Он вдруг резко сменил тон на более тревожный. – Но потом... потом начинаются изменения.

– Какие изменения? – насторожился Марсель.

– Сначала мелочи. Новые предпочтения в еде. Страх высоты, которого раньше не было. Воспоминания о местах, где никогда не был. – Дакс провел дрожащей рукой по лицу. – А потом... потом начинаешь терять собственные воспоминания. Они просто... исчезают, замещаются другими.

– Это невозможно, – покачал головой Элиас. – Имплантированные воспоминания не могут стирать существующие. Это разные области нейронной активности.

– Они говорили то же самое! – внезапно повысил голос Дакс. – Все эксперты, все доктора! А потом... потом я забыл имя собственной матери. И не просто забыл – я помнил другую женщину, другое имя, другое лицо. – Он схватил Элиаса за руку с неожиданной силой. – И я не единственный. Нас десятки, может, сотни. Все, кто попробовал «истoki», начали... меняться.

– И откуда берутся эти воспоминания? – спросил Марсель, его голос стал жестче. – Кто их источник?

– Никто не знает, – покачал головой Дакс. – Некоторые говорят... искусственный синтез. Другие утверждают, что они настоящие, но получены... неэтичными способами. – Он понизил голос до шепота. – Есть слухи о детях, выращенных в изоляции, специально для создания чистых, нефильтрованных воспоминаний.

Элиас почувствовал, как холодок пробежал по спине. Если хотя бы часть этого была правдой, они столкнулись с чем-то гораздо более зловещим, чем простая торговля контрабандными воспоминаниями.

– Дакс, – Элиас наклонился ближе, – есть ли способ найти этого Архитектора? Или хотя бы его посредников?

– Они найдут вас сами, если вы представляете ценность, – ответил Дакс. – Или опасность. – Он снова огляделся. – Есть один человек... женщина... Она называет себя Кэрол. Управляет аукционным домом в Серой Зоне, на границе с Верхним Городом. «Эфемера» – так называется это место. Если кто-то и знает больше об Архитекторе, то это она.

– Спасибо, Дакс, – искренне поблагодарил Элиас. – Ты очень помог.

– Я вижу, как ты смотришь на меня, – внезапно сказал Дакс, его глаза прояснились на мгновение. – Думаешь, я просто еще один наркоман, потерявший рассудок? – Он горько усмехнулся. – Возможно, так и есть. Но прежде чем отвергнуть мои слова, спроси себя: что делает тебя тобой? Твои воспоминания или что-то еще? И что произойдет, если твои воспоминания начнут меняться?

Марсель положил руку на плечо Элиаса, давая понять, что пора уходить.

– Еще один вопрос, Дакс, – сказал Элиас. – Ты когда-нибудь слышал о модификации воспоминаний? Не просто имплантации новых, а тонкой корректировке существующих?

Дакс напрягся.

– Они здесь, – прошептал он. – Они были здесь вчера. Задавали те же вопросы. Люди в сером и синем.

Элиас и Марсель обменялись тревожными взглядами.

– Кто они, Дакс?

– Не знаю, – покачал головой наркоман. – Но они искали того, кто может распознавать модифицированные воспоминания. Эксперта. – Его взгляд впился в Элиаса. – Как ты.

– Нам пора, – решительно сказал Марсель. – Спасибо за информацию, Дакс.

Когда они уже были у двери, Дакс окликнул их:

– Послушайте последний совет от человека, потерявшего себя: не доверяйте своим воспоминаниям. Особенно тем, в которых вы абсолютно уверены. Именно они предадут вас первыми.

Покинув синюю комнату, Элиас и Марсель быстрым шагом направились к выходу из «Колыбельной». Получив свое оружие обратно, они вышли на улицу, где дождь усилился, превращая и без того мрачный район в еще более гнетущее место.

– Что ты об этом думаешь? – спросил Элиас, когда они отошли на достаточное расстояние от салона.

– Думаю, что большая часть того, что сказал Дакс, – бред наркомана, – ответил Марсель. – Но в каждой безумии есть зерно истины. Если действительно существует технология, способная не просто имплантировать новые воспоминания, но и модифицировать или замещать существующие... – Он покачал головой. – Последствия могут быть катастрофическими.

– Нам нужно найти эту Кэрл из «Эфемеры», – решил Элиас. – Но сначала я хочу проверить еще кое-что. Если эти «истoki» действительно настолько особенные, они должны были появиться и на легальном рынке, пусть и в модифицированной форме.

– Что ты предлагаешь?

– Завтра я просмотрю последние крупные сделки по памяти, особенно те, что связаны с детскими воспоминаниями. Если есть закономерность, я ее найду.

Они вышли из Сумеречного сектора и направились к месту, где оставили свой автомобиль. Дождь понемногу утихал, но тяжелые облака по-прежнему нависали над городом, словно предвещающая еще большую бурю.

– Будь осторожен, Элиас, – сказал Марсель, когда они достигли стоянки. – Если люди, которые интересуются экспертами по аутентификации памяти, те же самые, что следили за Рейнером... они могут уже искать тебя.

– Я всегда осторожен, – ответил Элиас, активируя системы безопасности автомобиля.

– Не в этот раз, – покачал головой Марсель. – В этот раз ты должен быть параноиком. Потому что, судя по всему, мы столкнулись с чем-то гораздо более серьезным, чем обычная контрабанда воспоминаний.

Пока автомобиль поднимался по рампе, выводящей из Нижнего Города, Элиас смотрел на проплывающие мимо огни и думал о словах Дакса. «Что делает тебя тобой? Твои воспоминания или что-то еще?» Этот вопрос, казалось, приобретал новое, зловещее значение в свете последних событий.

В небе над Нью-Харбором сверкнула молния, на мгновение осветив бесчисленные небоскребы и трущобы, богатство и нищету, силу и бессилие – весь этот город контрастов, где память стала самым ценным товаром, а человеческая идентичность – разменной монетой в игре, правил которой Элиас еще не понимал.

Но он был полон решимости их узнать, чего бы это ни стоило.

Глава 4: Узнавание

Утро встретило Элиаса Верна ярким солнечным светом, прорвавшимся сквозь тяжелые облака, которые накрывали Нью-Харбор последние дни. Он стоял у панорамного окна своей квартиры на пятьдесят седьмом этаже одной из жилых башен Верхнего Города, наблюдая, как солнечные лучи отражаются в мокрых поверхностях зданий, создавая иллюзию города, построенного из света.

После напряженного вечера в Нижнем Городе эта идиллическая картина казалась нереальной, словно чужое воспоминание, имплантированное в его сознание. Элиас не мог изба-

виться от ощущения, что что-то фундаментально изменилось в его мире, в его понимании реальности.

Он отвернулся от окна и взглянул на свой рабочий стол, где лежал небольшой контейнер с энграммом, который он извлек из своего хранилища прошлым вечером. Это было его собственное воспоминание – редкий случай, когда торговец памятью сохранял копию своих переживаний. Десять лет назад Элиас записал свое воспоминание о первой крупной сделке, своеобразный памятник началу карьеры.

Сейчас, когда вся его профессиональная жизнь оказалась под угрозой из-за появления модифицированных воспоминаний, ему хотелось вернуться к этому моменту триумфа, напомнить себе, почему он выбрал этот путь.

Элиас активировал свой нейроинтерфейс и подключился к защищенной сети Мнемозины. Голографический дисплей развернулся перед ним, показывая последние транзакции на официальном рынке памяти.

– Показать все сделки, связанные с детскими воспоминаниями за последние три месяца, – скомандовал он. – Сортировать по стоимости, от высшей к низшей.

Система обработала запрос, и перед Элиасом появился список из нескольких десятков сделок. Он внимательно изучал информацию, отмечая необычные закономерности.

За последний месяц цены на детские воспоминания выросли почти на сорок процентов – беспрецедентный скачок для рынка, обычно отличающегося стабильностью. Особенно высоко ценились воспоминания о первых годах жизни, от трех до семи лет, связанные с яркими эмоциональными переживаниями: первый день в школе, семейные праздники, значимые путешествия.

Но самым тревожным было то, что в большинстве этих дорогостоящих сделок фигурировали всего несколько покупателей, скрывающихся за анонимными корпоративными счетами. Классическая схема для отмывания денег или прикрытия незаконной деятельности.

– Проверить корпоративных покупателей, – приказал Элиас. – Искать связи с известными организациями.

Система выдала неутешительный результат: все корпоративные счета были зарегистрированы на подставные компании, не имеющие явных связей с крупными игроками рынка. Профессиональная работа, не оставляющая следов.

Элиас откинулся в кресле, обдумывая полученную информацию. Что-то большое происходило на рынке памяти, и каким-то образом это было связано с детскими воспоминаниями. Но как это соотносилось с модификациями энграмма Рейнера? И почему его собственное хранилище подверглось взлому?

Его размышления прервал звуковой сигнал нейроинтерфейса – входящий вызов от Серы Ким. Элиас немедленно активировал связь.

– Сера, доброе утро.

– Едва ли оно доброе, Элиас, – голос женщины звучал напряженно. – Ты видел последние новости с рынка?

– Если ты о скачке цен на детские воспоминания, то да, только что проверял.

– Это лишь верхушка айсберга, – ответила Сера. – Я хочу показать тебе кое-что. Можешь приехать в мою студию? Это... не телефонный разговор.

– Насколько срочно?

– Настолько, что я отменила все встречи на сегодня.

Элиас нахмурился. Сера Ким была не просто его бывшей возлюбленной – она была одним из лучших «художников памяти» в Нью-Харборе, специалистом по аутентификации и эстетическому улучшению воспоминаний. Если что-то заставило ее отменить все встречи, это действительно было серьезно.

– Буду через час, – ответил он.

– И, Элиас... – добавила Сера перед тем, как завершить связь, – будь осторожен. Используй не прямой маршрут.

Студия Серы Ким располагалась в Арт-квартале, районе на границе Верхнего и Среднего Города, облюбованном художниками всех направлений, от традиционных до нейроэстетов, работающих непосредственно с человеческими ощущениями.

Следуя совету Серы, Элиас выбрал не прямой маршрут, дважды меняя транспорт и проверяя, нет ли за ним слежки. Паранойя? Возможно. Но после вчерашних событий он предпочитал перестраховаться.

Студия занимала верхний этаж реконструированного исторического здания, сохранившего фасад XX века, но полностью модернизированного внутри. Сера лично встретила его у входа – стройная женщина с короткими черными волосами, окрашенными в темно-синий цвет, и характерными азиатскими чертами лица, смягченными тонким европейским носом – результат генетической модификации, популярной среди состоятельных семей прошлого поколения.

– Рада, что ты пришел, – сказала она вместо приветствия, быстро проводя его внутрь и активируя систему безопасности.

Студия представляла собой просторное помещение с минималистичным дизайном: белые стены, несколько рабочих станций с голографическими проекторами, специализированное оборудование для работы с энграммами. В центре комнаты стоял большой прозрачный куб – иммерсивная камера для полного погружения в воспоминания, лучшая на рынке.

– Что происходит, Сера? – спросил Элиас, когда они оказались внутри защищенного периметра.

Вместо ответа она подошла к одной из рабочих станций и активировала голографическую проекцию.

– Смотри, – сказала она, указывая на появившееся изображение – сложную трехмерную структуру энграмма, увеличенную в тысячи раз. – Это стандартный образец здорового детского воспоминания. Обрати внимание на паттерн нейронных связей, их плотность и распределение.

Элиас кивнул. Структура была ему хорошо знакома – более простая и менее насыщенная, чем у взрослых энграммов, с характерной фрагментарностью и эмоциональными всплесками.

– А теперь смотри, – Сера активировала вторую проекцию. – Это один из новых энграммов, появившихся на рынке в последние недели. Якобы детское воспоминание.

Элиас внимательно изучил структуру и почувствовал, как по спине пробежал холодок. Энграмм выглядел... неправильно. На первый взгляд он имел все характеристики детского воспоминания, но при более тщательном изучении обнаруживались аномалии – слишком четкие связи, неестественная эмоциональная интенсивность, отсутствие типичных фрагментаций.

– Что это? – спросил он, хотя уже догадывался об ответе.

– Это гибрид, – ответила Сера. – Искусственно созданная структура, имитирующая детское воспоминание, но с характеристиками взрослого энграмма. Такого не бывает в природе. – Она сделала паузу. – Или, точнее, не бывало до сих пор.

– Откуда у тебя этот образец?

– От клиента, который хотел, чтобы я проверила его аутентичность. Богатый коллекционер, приобрел его на частном аукционе за баснословную сумму. – Сера покачала головой. – Он был в восторге от качества воспоминания, от его яркости. Не хотел верить, когда я сказала, что это подделка.

– Ты знаешь, кто продавал?

– Аукцион проводился через «Эфемеру», – ответила Сера, и Элиас напрягся, услышав название, упомянутое Даксом. – Но настоящий источник скрыт за несколькими слоями посредников.

– Что еще ты можешь сказать об этом энграмме?

– Вот что по-настоящему странно, – Сера увеличила определенный участок структуры. – Видишь эти паттерны? Они встречаются только в одном случае – при прямой передаче воспоминаний между связанными субъектами. Обычно это родители и дети или близнецы, люди с высокой степенью нейронной совместимости.

– Ты хочешь сказать...

– Что этот энграмм не был создан с нуля. Он был... извлечен напрямую, с использованием технологии, о которой я только слышала теоретические выкладки. – Сера выглядела по-настоящему встревоженной. – Если я права, кто-то нашел способ обойти стандартный протокол извлечения воспоминаний, позволяющий получать значительно более глубокие и чистые энграммы. Проблема в том, что такой метод чрезвычайно опасен для источника – он может привести к необратимому повреждению психики или даже к полному стиранию личности.

Элиас почувствовал тошноту, вспомнив слова Дакса о детях, выращенных специально для создания «чистых» воспоминаний.

– Есть еще кое-что, – добавила Сера, подходя к другой рабочей станции. – После того, как я обнаружила эти аномалии, я начала проверять другие недавние приобретения моих клиентов. И нашла это.

Она активировала новую проекцию, показывающую сравнительный анализ нескольких энграммов.

– Все эти образцы имеют похожие структурные особенности, несмотря на то, что якобы получены от разных источников. И все они появились на рынке за последние два месяца. – Сера повернулась к Элиасу. – Кто-то наладил масштабное производство этих модифицированных воспоминаний.

– Но зачем? – пробормотал Элиас. – Зачем создавать фальшивые детские воспоминания такого качества?

– Это только часть загадки, – ответила Сера. – Вторая часть еще интереснее. – Она подошла к иммерсивной камере и достала небольшой контейнер с ярко-зеленым энграммом. – Это пришло мне сегодня утром. Анонимная доставка, никаких отправителей или пометок. Только записка с просьбой показать это тебе.

Элиас напрягся.

– Ты просматривала его?

– Нет, – покачала головой Сера. – Я провела только базовый структурный анализ, чтобы убедиться, что он не содержит вредоносных паттернов. Это тоже детское воспоминание, с теми же аномальными характеристиками. Но самое странное... – она заколебалась, – структура этого энграмма имеет высокую степень совместимости с твоим нейропрофилем, Элиас. Словно он был создан специально для тебя.

Элиас посмотрел на мерцающий зеленый кристалл, чувствуя смесь тревоги и странного притяжения.

– Ты думаешь, это ловушка? Какой-то вид нейровируса?

– Не похоже, – ответила Сера. – Все мои сканеры показывают, что это просто воспоминание. Необычное, потенциально синтетическое, но не содержащее вредоносных элементов.

– Тогда я должен его увидеть, – решительно сказал Элиас. – Если кто-то хочет, чтобы я это увидел, значит, здесь может быть ключ к пониманию происходящего.

– Ты уверен? – Сера выглядела обеспокоенной. – Мы не знаем, какой эффект это может оказать.

– Именно поэтому я должен это сделать. – Элиас подошел к иммерсивной камере. – Если эти модифицированные воспоминания действительно способны влиять на личность, как сказал Дакс, лучше понять их природу. К тому же, я профессионал – у меня есть опыт работы с различными типами энграммов.

Сера неохотно кивнула.

– Хорошо, но я буду контролировать процесс и немедленно прерву его при первых признаках дестабилизации.

Элиас вошел в прозрачный куб и расположился в эргономичном кресле в центре. Сера активировала систему и осторожно поместила зеленый энграмм в приемник.

– Готов? – спросила она, настраивая параметры погружения.

– Да, – кивнул Элиас. – Установи среднюю интенсивность для начала.

– Начинаю интеграцию, – объявила Сера.

Мир вокруг Элиаса начал растворяться, уступая место новой реальности, сотканной из чужих – или нет? – воспоминаний...

Яркое летнее утро. Солнечные лучи проникают через листву высокого дуба, создавая на земле причудливые узоры света и тени. Запах свежескошенной травы смешивается с ароматом цветущих роз. Элиас – нет, не Элиас, а мальчик, ему около пяти лет – сидит на веранде большого загородного дома, болтая ногами, которые не достают до пола.

Перед ним деревянный стол, на котором стоит стакан домашнего лимонада с кубиками льда и тарелка с печеньем, еще теплым после духовки. Звуки классической музыки доносятся из открытых окон дома – Моцарт, Маленькая ночная серенада.

– Эли, милый, не болтай так сильно ногами, – говорит женский голос, и в поле зрения появляется высокая женщина с каштановыми волосами, убранными в элегантный пучок. Ее лицо освещено мягкой улыбкой, но глаза – серые, как грозовое небо – выглядят встревоженными.

– Прости, мама, – отвечает мальчик, и Элиас чувствует, как его губы формируют слова, которые он никогда не произносил, но которые кажутся удивительно... правильными.

Женщина садится рядом, и ее рука – прохладная, с тонкими пальцами – легко касается его волос.

– Сегодня приедут гости, – говорит она. – Важные люди. Ты помнишь, что нужно делать?

– Быть вежливым и отвечать на все вопросы, – послушно повторяет мальчик. – И не рассказывать о наших играх в докторов.

По лицу женщины пробегает тень.

– Именно так, умница. – Она целует его в лоб, и от нее пахнет чем-то химическим, скрытым под слоем дорогих духов. – Если ты будешь хорошо себя вести, вечером мы поиграем в твою любимую игру.

Сцена меняется. Теперь мальчик в большой гостиной. Вокруг него несколько взрослых в строгих костюмах. Они наблюдают за ним с холодным интересом, делая заметки на тонких планшетах.

– Потрясающие результаты, – говорит один из них, пожилой мужчина с пронзительными голубыми глазами. – Эмоциональная глубина, структурная целостность, нейропластичность... Все показатели превосходят ожидания.

– Мы были правы насчет раннего возраста, – кивает другой, молодой человек в белом халате. – Чем моложе субъект, тем чище энграммы.

Женщина – мать мальчика – стоит в стороне, ее лицо напряжено.

– И вы гарантируете, что процедура безопасна? – спрашивает она. – Никаких долгосрочных последствий?

– При правильном применении протокола – никаких, – отвечает пожилой мужчина. – Хотя, конечно, мы рекомендуем не проводить экстракции чаще раза в месяц. Детский мозг невероятно пластичен, но даже у него есть пределы.

Экстракция. Это слово вызывает у мальчика непонятный страх, и он инстинктивно сбежливается в кресле.

– Эли испугался, – замечает один из гостей. – Возможно, он помнит предыдущую процедуру.

– Невозможно, – качает головой мужчина в белом халате. – Мы стираем все воспоминания о самой экстракции. Он не должен ничего помнить.

– Теоретически, – бормочет женицина, и в ее глазах мелькает что-то похожее на вину. Сцена снова меняется. Теперь ночь. Мальчик лежит в своей постели, глядя в потолок, где проектор создает изображение звездного неба. Дверь в комнату приоткрывается, и входит мать. Она садится на край кровати.

– Не спишь? – спрашивает она тихо.

– Мама, – так же тихо отвечает мальчик, – кто эти люди? Почему они всегда смотрят на меня так странно?

Женицина молчит несколько секунд, затем вздыхает.

– Они... они помогают нам, Эли. Помогают сделать тебя особенным.

– А другие дети тоже особенные?

– Какие другие дети? – напрягается женицина.

– Те, что в больших комнатах под домом. Я видел их, когда ходил с тобой в лабораторию. Они тоже играют в докторов?

На лице матери отражается шок, быстро сменяющийся профессиональным спокойствием.

– Ты не должен был их видеть, – говорит она. – И не должен никому о них рассказывать. Никогда. Ты понимаешь?

Мальчик кивает, хотя не понимает, почему это так важно.

– Хороший мальчик, – говорит женицина и достает из кармана халата маленькое устройство, похожее на игрушку. – А теперь давай поиграем в нашу специальную игру. Закрой глаза и считай до десяти.

Мальчик послушно закрывает глаза и начинает считать. Устройство в руках женицины тихо гудит, и по мере счета Элиас чувствует, как воспоминание начинает размываться, терять четкость...

Один... два... три...

Элиас резко вынырнул из воспоминания, задыхаясь и дезориентированный. Его сердце бешено колотилось, а по лицу стекал холодный пот.

– Элиас! – встревоженный голос Серы прорывался сквозь пелену смятения. – Ты в порядке? Твои показатели зашкаливали, я вынуждена была прервать интеграцию.

Он моргнул несколько раз, возвращаясь в реальность иммерсивной камеры. Сера стояла рядом, ее лицо было искажено беспокойством.

– Я... – Элиас попытался собраться с мыслями. – Это было... это было...

– Что ты видел? – спросила Сера, помогая ему подняться с кресла.

Элиас с трудом подбирал слова.

– Детство. Мальчик, большой дом, мать... – Он запнулся. – Сера, это было мое воспоминание.

– Что? – она нахмурилась. – Как это возможно?

– Не знаю, но я узнал это место, этот дом. – Элиас провел рукой по лицу. – Это дом моих родителей в пригороде Нью-Харбора. Я провел там раннее детство, до тех пор, пока мы не переехали в город, когда мне исполнилось семь.

– Ты уверен? – Сера выглядела скептической. – Эти модифицированные энграммы могут создавать иллюзию узнавания, особенно если они настроены на твой нейропрофиль.

– Нет, дело не только в этом, – покачал головой Элиас. – Были детали... точные, конкретные детали, которые невозможно синтезировать. Трещина на веранде в форме молнии.

Особый запах маминых духов, смешанный с чем-то химическим. Моцарт, который отец всегда слушал по утрам.

Элиас внезапно замолчал, пораженный внезапным осознанием.

– Но были и вещи, которых я не помню. Люди в костюмах, разговоры об «экстракции», какие-то дети в подвале... – Он провел рукой по волосам. – Это словно... альтернативная версия моего детства. Или... воспоминания, которые были стерты.

Сера выглядела глубоко встревоженной.

– Элиас, ты понимаешь, что это значит? Если это действительно твое воспоминание, которое было каким-то образом модифицировано или скрыто, а теперь появилось на черном рынке...

– Это значит, что я каким-то образом связан со всем этим, – закончил он мысль. – С этими экспериментами, с технологией модификации воспоминаний, с детьми, которых использовали как источники.

Элиас вернулся к рабочей станции и внимательно посмотрел на проекцию структуры энграмма.

– Нам нужно сравнить этот образец с моим нейронным профилем. Не только на совместимость, но на структурное сходство.

– Это займет время, – предупредила Сера, уже настраивая оборудование для анализа. – И нам потребуется образец твоих аутентичных воспоминаний для сравнения.

– У меня есть один, – Элиас указал на контейнер, который принес с собой. – Моя первая крупная сделка. Десять лет назад.

Пока Сера настраивала сканеры, Элиас пытался осмыслить увиденное. Если это действительно было его собственное, стертое воспоминание, то вся его жизнь, вся его личность могла быть основана на лжи. Кем была эта женщина, которую он называл матерью? Была ли она его настоящей матерью или просто частью эксперимента? И что случилось с другими детьми, которых он видел?

– Анализ завершен, – объявила Сера после нескольких минут напряженного ожидания. – И результаты... ошеломляющие.

Она вывела на голографический дисплей сравнительную диаграмму двух энграммов: зеленого, полученного анонимно, и собственного воспоминания Элиаса.

– Смотри, – она указала на несколько ключевых точек в структуре. – Базовый нейронный паттерн идентичен. Это определенно воспоминания одного и того же человека, разделенные значительным временным промежутком. Но есть и различия...

Она увеличила определенные участки структуры.

– Здесь и здесь видны следы искусственного вмешательства. Не создания с нуля, а именно модификации. Словно кто-то взял оригинальное воспоминание и... отредактировал его, удалив одни элементы и усилив другие.

– Но как это воспоминание оказалось на рынке? – спросил Элиас. – Я никогда не продавал свои детские воспоминания.

– Возможно, ты их и не продавал, – мрачно сказала Сера. – Если то, что мы увидели в этом энграмме, правда, то твои воспоминания были... извлечены без твоего согласия. Возможно, еще в детстве.

Элиас почувствовал, как холодок пробежал по спине.

– И теперь кто-то хочет, чтобы я это знал, – пробормотал он. – Кто-то прислал мне мое собственное украденное воспоминание. Зачем?

– Может быть, это предупреждение, – предположила Сера. – Или приглашение копнуть глубже. В любом случае, Элиас, это становится слишком опасным. Если твое прошлое действительно связано с экспериментами по извлечению и модификации воспоминаний, то люди, стоящие за этим, вряд ли обрадуются твоему расследованию.

– У меня нет выбора, Сера, – покачал головой Элиас. – Если мои собственные воспоминания о детстве были модифицированы, я должен узнать правду. Должен понять, кто я на самом деле.

– И с чего ты планируешь начать? – спросила Сера.

– С «Эфемеры», – решительно ответил Элиас. – Если этот аукционный дом занимается продажей модифицированных воспоминаний, то его владелица, Кэрол, может знать больше об их происхождении.

– Я пойду с тобой, – сказала Сера. – Кэрол знает меня как клиента и художника памяти. Мое присутствие не вызовет подозрений.

Элиас хотел возразить, не желая подвергать Серу опасности, но понимал, что ее помощь будет неоценима. К тому же, она была одной из немногих людей, которым он действительно доверял.

– Хорошо, – согласился он. – Но сначала я хочу еще раз просмотреть это воспоминание. Полностью, без прерываний. Возможно, там есть еще детали, которые помогут нам.

– Ты уверен? – Сера выглядела обеспокоенной. – Это может быть эмоционально тяжело.

– Я должен знать, Сера. – Элиас посмотрел на зеленый энграмм, мерцающий в контейнере. – Должен знать, настоящие ли мои воспоминания о детстве, или они были... сконструированы.

Сера неохотно кивнула и начала подготовку к новому сеансу.

– На этот раз я установлю полную интенсивность, – сказала она. – Но буду внимательно следить за твоими показателями. При первых признаках дестабилизации я прерву процесс.

Элиас вернулся в иммерсивную камеру и расположился в кресле, готовясь к новому погружению. Внутри него боролись страх и решимость – страх перед тем, что он может узнать, и решимость докопаться до правды, какой бы она ни была.

– Готов? – спросила Сера, активируя систему.

– Готов, – ответил Элиас, закрывая глаза.

Мир снова растворился, и он вернулся на солнечную веранду дома, который помнил как свой детский дом. Но на этот раз он был полон решимости увидеть всю историю, даже если она разрушит все, что он знал о себе.

Потому что в мире, где память стала товаром, самым ценным сокровищем оставалась истина. И Элиас был готов заплатить любую цену, чтобы найти ее.

Часть вторая: Лабиринт

Глава 5: Трещины

Элиас Верн стоял перед зеркалом в ванной комнате Серы, изучая своё отражение с пристальным вниманием, словно надеялся обнаружить какую-то скрытую истину, спрятанную в чертах собственного лица. После второго, более глубокого погружения в загадочное детское воспоминание, он чувствовал себя странно отчуждённым от собственного образа. Кто этот человек в зеркале? Действительно ли он Элиас Верн, успешный торговец воспоминаниями

с безупречной репутацией? Или он кто-то другой – субъект эксперимента, человек с искусственно созданным прошлым?

Воспоминание, которое он пережил в иммерсивной камере, было настолько ярким, настолько наполненным конкретными деталями, что его невозможно было отвергнуть как простую подделку. Но оно радикально отличалось от того, что Элиас помнил о своём детстве. Вместо тёплого, любящего дома с родителями-интеллектуалами, которые поощряли его любопытство, в том воспоминании был холодный, почти клинический мир, где он был не столько ребёнком, сколько объектом исследования.

И женщина – была ли она действительно его матерью? Элиас закрыл глаза, пытаясь вспомнить лицо, которое всегда ассоциировалось у него с образом матери. Но вместо чёткого изображения в памяти возникало лишь размытое пятно, словно фотография, испорченная водой.

– Элиас? – голос Серы вывел его из глубокой задумчивости. – Ты в порядке?

Он открыл глаза и повернулся к ней. Сера стояла в дверях ванной комнаты, её лицо выражало искреннюю обеспокоенность.

– Не уверен, – честно ответил он. – Кажется, я больше не знаю, кто я.

– Ты тот же человек, каким был вчера, – мягко сказала она. – Независимо от того, что случилось в твоём детстве.

Элиас хотел бы в это верить, но внутренний голос говорил ему, что это не так. Если его воспоминания – основа его личности – были модифицированы, то кто мог гарантировать, что он действительно был тем человеком, которым себя считал?

– Я провела дополнительный анализ, пока ты приходил в себя, – сказала Сера, видя его внутреннюю борьбу. – И обнаружила кое-что интересное.

Они вернулись в главную комнату студии, где на голографическом дисплее была представлена сложная диаграмма – результат глубинного анализа зелёного энграмма.

– Смотри, – Сера указала на несколько ярко выделенных участков в структуре воспоминания. – Эти паттерны имеют характерную сигнатуру. Они присутствуют только в воспоминаниях, которые были... редактированы с использованием технологии «Мнемосин-Альфа».

– «Мнемосин-Альфа»? – Элиас нахмурился. – Никогда не слышал о такой технологии.

– Неудивительно, – кивнула Сера. – Это экспериментальная технология, разработанная около тридцати лет назад группой учёных из исследовательского центра «Хеликс». Она так и не была выпущена на рынок из-за этических проблем и потенциальных рисков для психики.

– И что именно она делает?

– В теории, она позволяет не просто имплантировать или стирать отдельные воспоминания, а полностью реструктурировать память человека, – объяснила Сера. – Создавать новые воспоминания, которые органично встраиваются в существующую личность, или удалять проблемные воспоминания без явных следов их отсутствия.

Элиас почувствовал, как по телу пробежала холодная волна.

– Откуда ты знаешь об этой технологии?

– Часть моего образования как художника памяти включала изучение истории и технических аспектов манипуляции воспоминаниями, – ответила Сера. – «Мнемосин-Альфа» упоминалась как теоретическая разработка, которая никогда не была реализована. – Она сделала паузу. – По крайней мере, официально.

– А «Хеликс»? Что это за исследовательский центр?

– Был одним из пионеров в области технологии памяти. Закрылся около двадцати лет назад после скандала, связанного с нарушениями этических норм. Детали никогда не раскрывались публично. – Сера подошла ближе к дисплею. – Но вот что действительно интересно: один из основателей «Хеликс» – доктор Мойра Девлин – после закрытия центра исчезла из

публичного поля. Есть слухи, что она продолжила свои исследования в частном порядке, с финансированием от анонимных источников.

– И ты думаешь, что эта Девлин может быть связана с модифицированными воспоминаниями, которые появились на рынке? – спросил Элиас.

– Это логичное предположение, – кивнула Сера. – Особенно учитывая специфические характеристики этих воспоминаний, которые соответствуют теоретическим возможностям «Мнемосин-Альфа».

Элиас задумчиво посмотрел на структуру энграмма на дисплее. Если технология «Мнемосин-Альфа» действительно использовалась для модификации его детских воспоминаний, и если эта женщина, Мойра Девлин, была связана с экспериментами, которые он видел в своём стёртом воспоминании, это могло привести его к истине о его прошлом.

– Нам нужно больше информации, – решительно сказал он. – О «Хеликс», о Девлин, о том, какие эксперименты они проводили.

– Согласна, – кивнула Сера. – Но официальные источники вряд ли содержат информацию, которую мы ищем. Особенно если эти эксперименты были... неэтичными.

– Тогда нам нужны неофициальные источники, – Элиас достал из кармана свой коммуникатор. – Я свяжусь с Марселем. Если кто-то и знает о тёмной стороне истории технологии памяти, так это он.

Пока Элиас устанавливал защищённую связь с Марселем Торном, Сера продолжала анализ зелёного энграмма, надеясь найти дополнительные ключи к его происхождению.

– Марсель, – сказал Элиас, когда связь была установлена. – Мне нужна твоя помощь. Что ты знаешь об исследовательском центре «Хеликс» и докторе Мойре Девлин?

На другом конце линии воцарилось долгое молчание.

– Марсель? – повторил Элиас. – Ты меня слышишь?

– Слышу, – наконец отозвался Торн, и его голос звучал необычно напряжённо. – Почему ты спрашиваешь о «Хеликс»?

– Долгая история, – ответил Элиас. – Но, похоже, этот исследовательский центр связан с модифицированными воспоминаниями, которые появились на рынке. И, возможно, с... моим прошлым.

Снова последовала пауза.

– Не по коммуникатору, – наконец сказал Марсель. – Нам нужно встретиться лично. Через час, в моём офисе. И, Элиас... будь осторожен. «Хеликс» – это опасная тема.

Связь прервалась, оставив Элиаса с ощущением, что ситуация ещё сложнее и опаснее, чем он предполагал.

– Что сказал Марсель? – спросила Сера.

– Он явно знает что-то о «Хеликс», – ответил Элиас. – И это что-то его тревожит. Он хочет встретиться лично.

– Я пойду с тобой, – решительно заявила Сера.

– Это может быть опасно, – предупредил Элиас. – Если я действительно связан с экспериментами «Хеликс», и если люди, стоящие за модифицированными воспоминаниями, обнаружат, что я копаю в этом направлении...

– Тем более я пойду с тобой, – прервала его Сера. – Ты не должен разбираться с этим в одиночку, Элиас. Особенно сейчас, когда ты... уязвим.

Он хотел возразить, но понимал, что она права. После того, что он узнал о своём прошлом, его эмоциональное состояние было нестабильным. К тому же, Сера была не просто его бывшей возлюбленной – она была одним из лучших специалистов по анализу и аутентификации воспоминаний. Её знания и интуиция могли оказаться бесценными.

– Хорошо, – согласился Элиас. – Только давай примем дополнительные меры предосторожности. Если за моим хранилищем следили, то могут следить и за мной.

– Конечно, – кивнула Сера. – У меня есть кое-что, что может помочь.

Она подошла к одному из шкафов в студии и извлекла оттуда два небольших устройства, напоминающих наручные часы.

– Прототипы нейрошумовых генераторов, – пояснила она, протягивая одно из устройств Элиасу. – Создают случайные нейронные импульсы вокруг имплантата, маскируя активность мозга. Затрудняют дистанционное сканирование и слежку через нейроинтерфейсы.

Элиас с удивлением посмотрел на устройство.

– Откуда у тебя такие игрушки? Насколько я знаю, они доступны только военным и высшим чинам корпоративной безопасности.

Сера слегка улыбнулась.

– Некоторые из моих клиентов очень ценят свою приватность и имеют доступ к технологиям, о которых большинство людей даже не слышали. Скажем так, это был подарок в знак благодарности за особенно деликатную работу.

Элиас надел устройство на запястье и почувствовал лёгкое покалывание, когда оно активировалось, синхронизируясь с его нейроинтерфейсом.

– Это не блокирует твой доступ к сети или обычные функции имплантата, – объяснила Сера, надевая второе устройство. – Просто создаёт шумовой фон, который делает невозможным точное считывание твоих мыслей или воспоминаний без прямого физического контакта.

– Впечатляющая технология, – заметил Элиас. – Хотя немного пугает сама необходимость в таких мерах защиты.

– Мир, в котором память стала товаром, неизбежно становится миром, где приватность мыслей – величайшая роскошь, – философски заметила Сера. – Готов отправляться?

Элиас кивнул, и они покинули студию, используя задний выход, ведущий в лабиринт переулков Арт-квартала – идеальное место, чтобы затеряться и проверить, нет ли слежки.

Они добирались до офиса Марселя окольными путями, несколько раз меняя транспорт и проверяя, не следует ли за ними кто-нибудь. Меры предосторожности могли показаться чрезмерными, но после всего, что произошло за последние сутки, Элиас предпочитал перестраховаться.

Офис Марселя Торна располагался в одном из старейших зданий Нью-Харбора, в районе, который когда-то был финансовым центром города, а сейчас представлял собой островок исторической архитектуры среди моря современных небоскрёбов. В отличие от минималистичной модернизированной Мнемозины, офис Марселя выглядел как музей: деревянные панели, кожаная мебель, полки с настоящими бумажными книгами – роскошь, доступная лишь немногим.

Когда Элиас и Сера прибыли, Марсель уже ждал их, сидя в глубоком кресле с бокалом янтарного виски в руке. Увидев Серу, он слегка приподнял бровь, но никак не прокомментировал её присутствие.

– Присаживайтесь, – сказал он, указывая на кресла напротив. – Полагаю, раз вы здесь вдвоём, мисс Ким уже в курсе ситуации?

– Да, – подтвердил Элиас. – И на самом деле, она первой обнаружила аномалии в модифицированных воспоминаниях.

Марсель кивнул, поставил бокал на столик и наклонился вперёд, сложив руки перед собой.

– Итак, вы спрашивали о «Хеликс» и Мойре Девлин. Что именно вы хотите знать?

– Всё, – просто ответил Элиас. – Особенно если это как-то связано с экспериментами по модификации детских воспоминаний. И, – он сделал паузу, – если это имеет отношение ко мне лично.

Марсель пристально посмотрел на него.

– Почему ты думаешь, что это может быть связано с тобой лично?

Элиас переглянулся с Серой, и она кивнула, давая понять, что ему следует рассказать всё.

– Сегодня утром Сера получила анонимную посылку – энграмм детского воспоминания, явно предназначенный для меня. – Он глубоко вздохнул. – Когда я погрузился в это воспоминание, я понял, что... это моё собственное воспоминание, Марсель. Но не то, которое я сознательно помню. Это словно... альтернативная версия моего детства, в которой я был частью какого-то эксперимента по извлечению и модификации воспоминаний.

Лицо Марселя оставалось непроницаемым, но Элиас заметил, как его пальцы крепче сжали подлокотники кресла.

– И ты уверен, что это было твоё настоящее воспоминание? Не подделка, не мастерски созданная имитация?

– Мы провели структурный анализ, – вмешалась Сера. – Сравнили с подтверждённым энграммом Элиаса. Базовые нейронные паттерны идентичны. Более того, энграмм содержит характерные следы технологии, известной как «Мнемосин-Альфа», которая теоретически позволяет полностью реструктурировать память человека.

Марсель прикрыл глаза, словно от внезапной боли, затем медленно кивнул.

– Я боялся, что когда-нибудь это всплывёт, – тихо сказал он. – Надеялся, что прошлое останется похороненным, что ты сможешь прожить нормальную жизнь, не зная...

– Не зная чего, Марсель? – напрягся Элиас. – Ты что-то знаешь о моём прошлом? О «Хеликс»?

Марсель открыл глаза и посмотрел прямо на Элиаса. В его взгляде читалась странная смесь решимости и сожаления.

– Я знаю гораздо больше, чем хотелось бы, – сказал он. – Потому что я был там, Элиас. Я работал в «Хеликс» почти с самого основания.

Элиас почувствовал, как его сердце пропустило удар. Марсель – его наставник, человек, которого он считал почти отцом – был связан с организацией, которая, возможно, экспериментировала над ним в детстве?

– Не в том качестве, о котором ты думаешь, – быстро добавил Марсель, видя реакцию Элиаса. – Я возглавлял службу безопасности. Моей задачей было защищать исследовательский центр и его сотрудников, не вникая в детали экспериментов. По крайней мере, так было вначале.

Он поднялся с кресла и подошёл к одной из книжных полок, извлекая тонкую папку, спрятанную за рядом старинных томов.

– Но со временем я стал замечать... странности. Секретные отделы, куда у меня не было доступа. Дети, которые появлялись и исчезали без объяснений. Повышенные меры безопасности вокруг отдела доктора Девлин.

Марсель вернулся к своему креслу, держа папку в руках.

– Я начал собственное расследование. Осторожно, чтобы не вызвать подозрений. То, что я обнаружил... – он покачал головой. – Доктор Девлин руководила проектом под названием «Табула Раса». Его цель заключалась в разработке методов полной реструктуризации человеческой памяти – не просто стирание отдельных воспоминаний или имплантация новых, а создание полностью новой личности на основе существующей нейронной структуры.

– Зачем? – тихо спросил Элиас. – Какова была цель?

– Изначально – терапевтическая, – ответил Марсель. – Лечение тяжёлых психологических травм, реабилитация преступников, помощь людям с деструктивными воспоминаниями и паттернами поведения. Но потом... проект эволюционировал. – Он сделал паузу. – Девлин была блестящим учёным, но она была одержима идеей, что личность человека – это всего лишь набор воспоминаний, который можно перепрограммировать, как компьютер.

– И для этих экспериментов им нужны были дети, – догадалась Сера. – С более пластичными нейронными структурами, более восприимчивыми к модификации воспоминаний.

– Именно, – кивнул Марсель. – Они начали с сирот, детей из неблагополучных семей, тех, кого никто не стал бы искать. Официально это преподносилось как программа усыновления и специализированного образования.

– А неофициально? – спросил Элиас, чувствуя, как внутри нарастает холодная ярость.

– Неофициально они создали то, что Девлин называла «чистыми сосудами» – детей с частично или полностью стёртыми естественными воспоминаниями, готовых к имплантации новых, тщательно сконструированных образов прошлого. – Марсель открыл папку и достал старую фотографию. – И ты был одним из них, Элиас. Одним из субъектов проекта «Табула Раса».

Он передал фотографию Элиасу. На ней был запечатлён маленький мальчик лет пяти, стоящий рядом с высокой женщиной в белом лабораторном халате. У мальчика были серые глаза и задумчивое выражение лица, которое Элиас каждый день видел в зеркале. У женщины были тёмные волосы, собранные в строгий пучок, и глаза того же серого оттенка, что и у ребёнка.

– Это ты и доктор Мойра Девлин, – тихо сказал Марсель. – Твоя биологическая мать.

Мир вокруг Элиаса словно замер. Он не мог оторвать взгляд от фотографии, от этого чужого и одновременно до боли знакомого лица женщины, которая, если верить Марселю, была его настоящей матерью. Не та заботливая, мягкая женщина из его «официальных» воспоминаний, а холодный учёный, использовавший собственного ребёнка для экспериментов.

– Это невозможно, – прошептал он. – Мои родители... я помню их. Они были профессорами литературы. Отец любил Моцарта, мама выращивала розы...

– Имплантированные воспоминания, – мягко сказала Сера, кладя руку на его плечо. – Созданные, чтобы заменить настоящие.

– Но почему? – Элиас перевёл взгляд на Марсея. – Если эта женщина была моей матерью, почему она стёрла мои настоящие воспоминания? Почему создала мне фальшивое прошлое?

Марсель тяжело вздохнул.

– Это сложная история, Элиас. И я знаю только часть. – Он сделал паузу. – Мойра Девлин была бриллиантовым умом в своей области, но она была... фанатиком науки. Для неё не существовало этических ограничений, когда речь шла о прогрессе в понимании человеческого сознания.

Он достал из папки ещё один документ – старую распечатку с логотипом «Хеликс» в углу.

– Это выдержка из её исследовательского журнала. Я сумел скопировать некоторые документы перед тем, как «Хеликс» закрылся. – Он передал бумагу Элиасу. – Это может ответить на некоторые твои вопросы.

Элиас взял документ дрожащими руками и начал читать:

«Субъект Е-7 (мой сын) демонстрирует исключительные результаты в тестах нейропластичности и мнемонической интеграции. Его способность адаптироваться к имплантированным воспоминаниям превышает все предыдущие показатели. Возможно, генетическая связь с разработчиком технологии обеспечивает оптимальную совместимость нейронных паттернов.

Однако возникла непредвиденная проблема. Субъект начал проявлять признаки осознания экспериментальной ситуации. Во время последней сессии он упомянул «других детей» в подвальных помещениях, что указывает на проникновение в зону ограниченного доступа и потенциальное нарушение протоколов безопасности.

Более тревожным является то, что некоторые из его оригинальных воспоминаний, которые должны были быть полностью стёрты, начинают проявляться в форме снов и вспышек узнавания. Это указывает на ограничения текущей версии протокола «Мнемосин-Альфа» и необходимость его дальнейшей модификации.

Учитывая уникальную ценность субъекта Е-7 и потенциальные риски при продолжении экспериментов в текущих условиях, я приняла решение временно вывести его из активной фазы программы. Будет создан комплексный пакет фальшивых воспоминаний о нормальном детстве, и субъект будет помещён в контролируемую среду с суррогатными родителями (агенты М-12 и F-8), при сохранении удалённого мониторинга.

Это позволит наблюдать за долгосрочными эффектами имплантированных воспоминаний в естественных условиях, а также даст время для усовершенствования протокола «Мнемосин-Альфа» для последующих фаз эксперимента.»

Элиас дочитал документ и медленно опустил его на колени. Внутри него бушевала буря эмоций: шок, неверие, ярость, предательство. Его детство, его личность, вся его жизнь были основаны на лжи, сконструированной женщиной, которая была его биологической матерью, но относилась к нему как к лабораторной крысе.

– Что случилось с «Хеликс»? – наконец спросил он, пытаясь собраться с мыслями. – Ты сказал, центр закрылся. Почему?

– Скандал, – ответил Марсель. – Хотя публично никогда не раскрывались детали. Когда я понял, что происходит в проекте «Табула Раса», я начал собирать доказательства. Была группа сотрудников, которые, как и я, стали подозревать, что эксперименты Девлин переступили все возможные этические границы.

Марсель взял свой бокал и сделал глоток, словно нуждаясь в дополнительной смелости, чтобы продолжить рассказ.

– Мы передали информацию в Этический Комитет Нейротехнологий. Началось расследование. Но Девлин имела влиятельных покровителей, и большая часть действительно компрометирующих материалов исчезла ещё до прибытия официальной комиссии. – Он покачал головой. – В итоге «Хеликс» закрыли, но основные фигуры, включая Девлин, избежали серьёзных последствий. Некоторые из детей были найдены и переданы в специализированные реабилитационные центры, но многие... просто исчезли.

– Включая меня, – тихо сказал Элиас.

– Да, – кивнул Марсель. – К моменту закрытия центра тебя там уже не было. Согласно документам, ты был «выписан» как часть программы внешнего мониторинга. К тому времени ты уже жил с приёмными родителями, считая их своими настоящими родителями, благодаря имплантированным воспоминаниям.

– И ты знал об этом всё время? – в голосе Элиаса прозвучала обвиняющая нотка. – С самого начала нашего знакомства, ты знал, кто я?

Марсель встретил его взгляд без колебаний.

– Да, знал. Я нашёл тебя спустя несколько лет после закрытия «Хеликс». Не случайно, Элиас. Я искал тебя и других детей, надеясь убедиться, что с вами всё в порядке.

– И именно поэтому ты взял меня под своё крыло? Обучил меня торговле воспоминаниями? Из чувства вины? – Элиас не мог сдержать горечь в голосе.

– Отчасти из чувства ответственности, – признал Марсель. – Я не смог предотвратить то, что сделали с тобой и другими детьми. Но когда я нашёл тебя, ты уже был молодым человеком, строящим свою жизнь. Я не хотел разрушать её, рассказывая правду, которая могла бы...

– Какая могла бы что? – прервал его Элиас. – Дать мне понять, что моя жизнь основана на лжи? Что моя личность была сконструирована как часть эксперимента?

– Элиас, – мягко вмешалась Сера. – То, что твои воспоминания о детстве были сконструированы, не делает тебя менее реальным. Ты – это не только твои воспоминания. Ты – это твой опыт, твои решения, твои ценности.

Элиас хотел возразить, но не нашёл слов. Часть его понимала, что Сера права, но другая часть чувствовала себя глубоко преданной – не только Мойрой Девлин, но и Марселем, который все эти годы скрывал от него правду.

– Есть ещё кое-что, что ты должен знать, – сказал Марсель после паузы. – Причина, по которой я особенно обеспокоен твоими вопросами о «Хеликс» сейчас.

– Что именно?

– Появление модифицированных детских воспоминаний на рынке совпало с другими тревожными признаками. – Марсель наклонился вперёд. – За последние несколько месяцев по меньшей мере трое бывших сотрудников «Хеликс», которые были частью группы, раскрывшей информацию об экспериментах Девлин, погибли при подозрительных обстоятельствах. Официально – несчастные случаи или естественные причины, но... слишком много совпадений.

– Ты думаешь, их убили? – спросила Сера.

– Я думаю, что кто-то зачищает следы, – мрачно ответил Марсель. – И появление на рынке воспоминаний, модифицированных с помощью технологии, очень похожей на «Мнемосин-Альфа», наводит на мысль, что проект «Табула Раса» не умер вместе с «Хеликс». Он просто ушёл в тень.

– И этот кто-то может быть Мойрой Девлин, – задумчиво произнёс Элиас.

– Или её последователями, – кивнул Марсель. – После закрытия «Хеликс» Девлин исчезла из публичного поля, но есть слухи, что она продолжила свои исследования при поддержке частных инвесторов. – Он сделал паузу. – И есть ещё одна деталь, которая беспокоит меня больше всего. В последние недели я заметил признаки того, что кто-то интересуется тобой, Элиас. Ненавязчивые запросы о твоей биографии, попытки получить доступ к архивам торговой гильдии памяти, где хранится информация о твоей лицензии и клиентах.

– И ты думаешь, это Девлин? Или кто-то, связанный с ней?

– Не знаю, – честно ответил Марсель. – Но тот факт, что анонимный отправитель прислал тебе энграмм с твоим собственным стёртым воспоминанием, говорит о том, что кто-то хочет, чтобы ты начал копать своё прошлое. Вопрос в том – зачем?

– Может быть, это предупреждение, – предположила Сера. – Кто-то, кто знает о прошлом Элиаса и о возрождении экспериментов «Табула Раса», пытается предупредить его об опасности.

– Или это ловушка, – возразил Марсель. – Способ выманить Элиаса, заставить его начать расследование, которое приведёт его прямо в руки тех, кто хотел бы видеть его... нейтрализованным.

– В любом случае, – решительно сказал Элиас, – я не собираюсь сидеть сложа руки. Если Мойра Девлин жива и продолжает свои эксперименты, если она использует детей так же, как использовала меня... я должен её остановить.

– Это чрезвычайно опасно, Элиас, – предупредил Марсель. – Если за новыми модифицированными воспоминаниями действительно стоит Девлин или организация, продолжающая её работу, они не остановятся ни перед чем, чтобы защитить свои секреты.

– У меня нет выбора, Марсель, – твёрдо ответил Элиас. – Дело не только в моём прошлом. Если то, что рассказал Дакс, правда, если эти новые «истoki» действительно способны изменять личность получателя, затирая его собственные воспоминания... это угроза для всего общества.

Марсель долго смотрел на Элиаса, затем медленно кивнул.

– Ты прав. И я помогу тебе. – Он повернулся к Сера. – Мисс Ким, полагаю, вы тоже намерены участвовать в этом расследовании?

– Безусловно, – решительно ответила она. – Как художник памяти, я не могу оставаться в стороне, когда сама природа воспоминаний находится под угрозой.

– Тогда нам нужно действовать быстро и осторожно, – сказал Марсель. – Если мои подозрения верны, и если за вами действительно следят, Элиас, то времени у нас немного.

– С чего начнём? – спросил Элиас.

– С поиска доказательств, – ответил Марсель. – Нам нужно найти прямую связь между новыми модифицированными воспоминаниями на рынке и технологией «Мнемосин-Альфа». И есть только одно место, где мы можем найти такие доказательства – заброшенный комплекс «Хеликс».

– Он всё ещё существует? – удивилась Сера.

– Здание – да. После закрытия центра оно было законсервировано, а не снесено, из-за бюрократических проволочек, связанных с правами на интеллектуальную собственность и оборудование внутри. – Марсель открыл на своём коммуникаторе карту и показал местоположение. – Это в промышленной зоне на окраине города. Официально объект охраняется, но система безопасности давно устарела. С вашими навыками, – он кивнул Сера, – мы сможем проникнуть внутрь.

– Что мы надеемся там найти? – спросил Элиас. – Прошло двадцать лет, вряд ли там осталось что-то ценное.

– Возможно, физических доказательств и не осталось, – согласился Марсель. – Но главные серверы «Хеликс» были автономной системой, не подключённой к внешним сетям из соображений безопасности. Если они не были физически уничтожены, есть шанс, что некоторые данные всё ещё можно восстановить.

– Когда отправляемся? – спросила Сера.

– Сегодня ночью, – решил Марсель. – Чем дольше мы ждём, тем больше риск, что те, кто за этим стоит, поймут, что мы идём по их следу.

Элиас кивнул, ощущая странное смещение эмоций. Часть его всё ещё была потрясена открытием правды о своём прошлом, другая часть жаждала мести за украденное детство. Но преобладающим чувством была решимость – решимость докопаться до истины, какой бы она ни была, и остановить тех, кто продолжал эксперименты, превратившие его жизнь в ложь.

– Есть ещё кое-что, – сказал он. – Я должен связаться с детективом Окафор. Она расследует серию смертей, связанных с повреждёнными имплантами памяти. Возможно, это связано с нашим делом.

– Рискованно привлекать полицию, – нахмурился Марсель.

– Окафор не обычный детектив, – возразил Элиас. – Она из отдела нейропреступлений, специализируется на злоупотреблениях технологией памяти. И она уже подозревает, что за этими смертями стоит что-то большее, чем простые технические неисправности.

Марсель задумался, затем неохотно кивнул.

– Хорошо, но будь осторожен. Не раскрывай слишком много информации, пока мы не будем уверены, что ей можно доверять.

– Договорились, – согласился Элиас. – Я встречу с ней перед тем, как мы отправимся в «Хеликс». Возможно, она сможет предоставить дополнительную информацию, которая поможет нам.

Когда они закончили обсуждение планов, Марсель проводил их к запасному выходу из здания, который вёл в сеть служебных туннелей – ещё одна мера предосторожности на случай слежки.

Перед расставанием Марсель крепко обнял Элиаса.

– Я сожалею, что не рассказал тебе правду раньше, – тихо сказал он. – Надеюсь, когда-нибудь ты сможешь меня простить.

Элиас не ответил на объятие, его тело оставалось напряжённым.

– Я не знаю, что чувствовать сейчас, Марсель, – честно признался он. – Мне нужно время, чтобы осмыслить всё это.

– Понимаю, – кивнул Марсель. – Просто помни: независимо от того, как ты появился в моей жизни, ты стал для меня сыном, которого у меня никогда не было. И всё, что я делал – или не делал – было из желания защитить тебя.

Элиас молча кивнул, не доверяя своему голосу. Затем он и Сера покинули здание, выйдя в лабиринт служебных коридоров, ведущих к задним улицам города.

Солнце уже склонялось к закату, окрашивая небоскрёбы Нью-Харбора в оттенки оранжевого и розового. Но для Элиаса мир утратил свои яркие краски, став серой зоной неопределённости, где единственной реальностью было его решение добраться до истины, скрытой в глубинах его собственного разума и в стенах заброшенного исследовательского центра.

Глава 6: Архив

Послеполуденные часы в Нью-Харборе всегда имели особую атмосферу: солнце, пробиваясь сквозь плотные облака смога, окрашивало стеклянные фасады небоскребов в мягкие золотистые тона, создавая иллюзию тепла в этом холодном, механистичном городе. Элиас Верн стоял на смотровой площадке одной из старейших башен города, наблюдая за неторопливым движением воздушного транспорта между высотными зданиями. Он назначил встречу с детективом Окафор здесь – на открытом пространстве, где сложнее организовать электронную слежку, и где любой наблюдатель будет замечен.

После всего, что он узнал от Марсея, параноя казалась не только оправданной, но и необходимой мерой предосторожности. Его жизнь, его личность, всё, во что он верил – всё это оказалось тщательно сконструированной ложью. И он не мог доверять никому, кроме, пожалуй, Серы, которая осталась в своей студии, готовясь к ночному проникновению в комплекс «Хеликс».

– Мистер Верн.

Элиас обернулся, услышав низкий, мелодичный голос детектива Рейны Окафор. Она приближалась с противоположной стороны площадки – высокая женщина с тёмной кожей и коротко стриженными волосами, в строгом костюме, который выглядел одновременно официально и функционально. Её глаза, тёмно-карие, почти чёрные, казались непроницаемыми, но излучали острый интеллект, который сразу располагал к ней Элиаса.

– Детектив, – кивнул он в знак приветствия. – Спасибо, что согласились встретиться.

– Ваше сообщение звучало достаточно загадочно, чтобы заинтриговать меня, – ответила она, становясь рядом с ним у перил. – «Связь между смертями от нейроимплантатов и рынком модифицированных воспоминаний». – Она слегка приподняла бровь. – Звучит как заголовок из жёлтой прессы, но я предполагаю, что у вас есть что-то более существенное.

– Есть, – подтвердил Элиас. – Но прежде чем я расскажу всё, мне нужно убедиться в двух вещах. Во-первых, что ваше расследование не является формальностью, и вы действительно ищете настоящую причину этих смертей. И во-вторых, что вы готовы копать глубоко, даже если это приведёт к... неудобным открытиям.

Окафор внимательно изучала его лицо несколько секунд, затем кивнула.

– Справедливо, – сказала она. – Тогда позвольте мне убедить вас в моих намерениях. – Она достала из внутреннего кармана маленький нейрошумовой генератор, идентичный тому, что дала ему Сера, и активировала его. – Эти устройства не совсем легальны для гражданских лиц, но чертовски полезны, когда не хочешь, чтобы кто-то подслушивал твои мысли.

Элиас был впечатлён её предусмотрительностью.

– За последние три месяца, – продолжила детектив, – я расследовала семь смертей, официально классифицированных как несчастные случаи из-за неисправности нейроимплантатов. Все жертвы использовали высокотехнологичные импланты памяти, все погибли от массивного нейронного перенапряжения, внешне похожего на перегрузку при неправильной интеграции воспоминаний. – Она сделала паузу. – Но вот что интересно: все жертвы были связаны с рынком памяти. Два торговца, три коллекционера, один художник памяти и один нейротехнолог, специализировавшийся на интеграции экзотических воспоминаний.

– А официальное расследование?

– Официально департамент считает, что это серия несчастных случаев, возможно, связанных с партией бракованных имплантатов. – Окафор невесело усмехнулась. – Но когда я начала копать глубже, меня мягко попросили не тратить ресурсы на «очевидные технические сбои». Очень мягко и очень настойчиво.

– И вы не послушались, – заметил Элиас.

– Я детектив, мистер Верн. Моя работа – находить истину, а не соглашаться с удобными объяснениями. – Она повернулась к нему лицом. – Теперь ваша очередь. Что вы знаете о связи между этими смертями и рынком модифицированных воспоминаний?

Элиас глубоко вздохнул. Он решил рассказать ей большую часть правды, но не всё – по крайней мере, не сейчас.

– За последние несколько месяцев на чёрном рынке появился новый тип воспоминаний – так называемые «истоки». Это якобы детские воспоминания исключительной яркости и эмоциональной глубины. Но на самом деле, они модифицированы с использованием технологии, которая позволяет не просто имплантировать новые воспоминания, но и влиять на существующие, потенциально изменяя личность получателя.

– Изменяя личность? – Окафор нахмурилась. – Это невозможно. Имплантированные воспоминания существуют параллельно с естественными, они не могут их заменить или модифицировать.

– Так считалось до недавнего времени, – согласился Элиас. – Но эти «истоки» используют усовершенствованную версию технологии, известной как «Мнемосин-Альфа», разработанной в исследовательском центре «Хеликс» около тридцати лет назад. Технологии, которая теоретически позволяет полностью реструктурировать память человека.

– «Хеликс», – медленно произнесла Окафор. – Я слышала это название. Они закрылись после какого-то скандала, связанного с неэтичными экспериментами.

– Именно, – кивнул Элиас. – И я думаю, что кто-то – возможно, бывшие сотрудники «Хеликс» или организация, продолжающая их работу, – возобновил эти эксперименты. И использует технологию «Мнемосин-Альфа» для создания модифицированных воспоминаний, которые сейчас наводняют рынок.

– И вы считаете, что смерти, которые я расследую...

– Могут быть связаны с этими экспериментами, – закончил за неё Элиас. – Возможно, жертвы узнали что-то о происхождении этих модифицированных воспоминаний. Или, что более вероятно, сами были субъектами экспериментов, которые пошли не так.

Окафор задумчиво потёрла подбородок.

– Это серьёзные обвинения, мистер Верн. У вас есть доказательства?

– Пока только косвенные, – признал Элиас. – Но сегодня ночью мы с коллегами планируем проникнуть в заброшенный комплекс «Хеликс». Мы надеемся найти там данные, которые могли бы подтвердить связь между старыми экспериментами и новыми модифицированными воспоминаниями.

– «Мы с коллегами»? – Окафор приподняла бровь. – И кто эти коллеги?

– Сера Ким, художница памяти, специализирующаяся на аутентификации. И Марсель Торн, бывший сотрудник службы безопасности «Хеликс».

– Торн, – Окафор выглядела удивлённой. – Интересное совпадение. Его имя появлялось в некоторых архивных материалах по «Хеликс», которые я смогла найти. Он был одним из информаторов, разоблачивших неэтичные эксперименты.

– Да, – подтвердил Элиас, не уточняя, что Марсель был также его наставником и скрывал от него правду о его прошлом все эти годы.

– И вы приглашаете меня присоединиться к этому... проникновению? – спросила Окафор.

– Я предлагаю сотрудничество, – уточнил Элиас. – Информация, которую мы найдём, может быть ключом к раскрытию ваших дел. А ваш официальный статус может оказаться полезным, если нас поймают на территории «Хеликс».

Окафор рассмеялась, коротко и без особого веселья.

– Мой «официальный статус» не даёт мне права на несанкционированное проникновение в частную собственность, мистер Верн. Но... – она сделала паузу, – я могла бы получить ордер

на обыск, если бы у меня были достаточные основания подозревать связь между «Хеликс» и смертями, которые я расследую.

– И такие основания у вас есть? – с надеждой спросил Элиас.

– Пока нет, – покачала головой детектив. – Но они могли бы появиться, если бы некий анонимный информатор предоставил мне данные, указывающие на такую связь.

Элиас понял её намёк.

– Понимаю. И если бы такие данные были обнаружены в ходе... частного расследования...

– То я была бы очень заинтересована их увидеть, – кивнула Окафор. – Официально, конечно, я должна посоветовать вам не нарушать закон. Но если вы всё же решите это сделать и обнаружите что-то значимое, вы знаете, как со мной связаться.

Она протянула ему небольшую карту памяти.

– Здесь информация о жертвах, которую я собрала. Возможно, это поможет в ваших поисках. – Она сделала паузу. – И ещё одна деталь, которая может быть важной. Все жертвы перед смертью посетили одно и то же место – аукционный дом «Эфемера» в Серой Зоне. Интересное совпадение, не правда ли?

Элиас почувствовал, как по его спине пробежал холодок. «Эфемера» – то самое место, которое упоминали и Дакс, и Сера, говоря о новых модифицированных воспоминаниях.

– Более чем интересное, – согласился он. – «Эфемера» фигурирует и в моём расследовании.

– Я так и думала, – кивнула Окафор. – К сожалению, у меня нет официальных оснований для обыска в аукционном доме. Владелица, некая Кэрол Вега, имеет слишком хорошие связи в высших эшелонах власти.

– Я знаю о ней, – сказал Элиас. – И планирую встретиться с ней после нашего визита в «Хеликс».

– Будьте осторожны, мистер Верн, – предупредила детектив. – Вега не так проста, как кажется. Её настоящее имя – Кэрол Девлин. Она дочь Мойры Девлин, основателя «Хеликс».

Это было неожиданно. Элиас не знал, что у Мойры Девлин была дочь. Если она была его биологической матерью, означало ли это, что Кэрол была его... сестрой?

– Вы уверены? – спросил он, пытаясь скрыть волнение в голосе.

– Абсолютно, – кивнула Окафор. – Мне потребовалось много времени, чтобы проследить эту связь. Она тщательно скрывает своё происхождение. Но лицевой анализ и некоторые архивные данные не оставляют сомнений.

Элиас почувствовал, как его мир снова перевернулся. Он не только узнал, что был субъектом экспериментов, что его биологическая мать была бесчеловечным учёным, использовавшим собственного сына, но теперь оказалось, что у него есть сестра, которая могла быть связана с возобновлением этих самых экспериментов.

– Спасибо за эту информацию, детектив, – сказал он, пытаясь собраться с мыслями. – Она может оказаться ключевой.

Окафор внимательно посмотрела на него, словно пытаясь разгадать какую-то загадку.

– Есть что-то ещё, не так ли? Что-то личное, что связывает вас с этим делом.

Элиас колебался. Насколько он мог доверять детективу? Но затем решил, что частичная правда будет лучше, чем полная ложь.

– Я считаю, что был одним из субъектов экспериментов «Хеликс», – тихо сказал он. – Что мои детские воспоминания были... модифицированы с использованием технологии «Мнемосин-Альфа».

Окафор не выглядела шокированной этим признанием – скорее задумчивой, словно кусочки головоломки начали складываться в её голове.

– Это объясняет вашу личную заинтересованность, – сказала она. – И делает наше сотрудничество ещё более логичным. – Она протянула руку. – Я буду ждать вашего отчёта о находках в «Хеликс». И будьте осторожны, мистер Верн. Если ваши подозрения верны, мы имеем дело с людьми, которые не остановятся ни перед чем, чтобы сохранить свои секреты.

Элиас пожал протянутую руку, чувствуя странное облегчение от того, что поделился частью своей истории с кем-то, кто мог помочь в поисках правды.

– Я буду на связи, детектив.

После ухода Окафор Элиас ещё некоторое время стоял на смотровой площадке, глядя на город, раскинувшийся перед ним. Где-то там, среди этого лабиринта стекла и стали, находились ответы на вопросы, которые мучили его. И где-то там была женщина – Кэрол Вега, или Девлин – которая могла быть его сестрой и которая могла знать правду о его происхождении.

Но прежде чем встретиться с ней, ему предстояло другое путешествие – в прошлое, в заброшенные стены «Хеликс», где начались эксперименты, превратившие его жизнь в ложь.

Элиас активировал свой коммуникатор и набрал код Серы.

– Всё готово? – спросил он, когда она ответила.

– Да, – подтвердила Сера. – Марсель уже здесь, мы подготовили всё необходимое оборудование. – Она сделала паузу. – Но есть кое-что ещё, Элиас. Я продолжила анализ зелёного энграмма и обнаружила странную закономерность. В структуре воспоминания есть... паттерн, похожий на подпись. Словно кто-то намеренно оставил свою метку.

– Подпись? – нахмурился Элиас. – Чья?

– Не знаю. Это не текст или изображение, а скорее... нейронная последовательность, которая не должна там находиться. – Сера звучала озадаченно. – Но что ещё интереснее – я нашла похожие паттерны в других модифицированных воспоминаниях, которые проходили через мою студию. Словно все они созданы одним и тем же... автором.

– Или группой авторов, использующих одну и ту же технологию, – задумчиво произнёс Элиас. – Это может быть ключом к пониманию происхождения этих воспоминаний.

– Возможно, – согласилась Сера. – В любом случае, это даёт нам ещё одну зацепку, которую стоит проверить в «Хеликс». Если там остались данные о структуре оригинальных экспериментов с «Мнемосин-Альфа», мы могли бы сравнить их с этими паттернами.

– Хорошая мысль, – одобрил Элиас. – Я буду у тебя через час, и мы отправимся.

Он отключил связь и ещё раз окинул взглядом панораму города. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небоскрёбы в огненные тона. Ночь обещала быть длинной и, возможно, опасной. Но он был готов рискнуть всем, чтобы найти правду о своём прошлом и о тех, кто превратил его жизнь в эксперимент.

Спустившись с башни, Элиас направился к станции подземки, планируя использовать общественный транспорт, чтобы минимизировать риск слежки. Но, проходя мимо витрины магазина электроники, он заметил в отражении фигуру, которая показалась ему знакомой – мужчина в сером костюме, один из тех, кого он видел в «Последнем Пике», когда встречался с Рейнером.

Элиас не изменил темп ходьбы, но внутренне напрягся. Была ли это паранойя, или за ним действительно следили? Он сделал несколько непредсказуемых поворотов, меняя направление движения, и в конце концов убедился, что мужчина действительно следует за ним, сохраняя дистанцию, но не теряя его из виду.

Это усложняло ситуацию. Элиас не мог привести слежку к Сера. Ему нужно было оторваться от преследователя.

Он резко свернул в оживлённый торговый центр, протискиваясь сквозь толпу покупателей. Затем быстро зашёл в магазин одежды, где приобрёл тёмную куртку с капюшоном, отличающуюся от той, что была на нём. В примерочной он переоделся, надвинул капюшон на голову и вышел через другой вход, смешавшись с потоком людей.

Он не был уверен, что оторвался от слежки, но это было лучшее, что он мог сделать в данных обстоятельствах. Теперь ему нужно было добраться до студии Серы окольными путями, постоянно проверяя, не следует ли кто-то за ним.

Элиас задействовал все навыки конспирации, которые приобрёл за годы работы с конфиденциальными клиентами: менял транспорт, использовал переполненные общественные места для проверки на слежку, двигался зигзагами и петлями. И в конце концов, убедившись, что за ним никто не следует, он прибыл к задней двери студии Серы, где его уже ждали она и Марсель.

– Ты опоздал, – заметил Марсель, когда Элиас вошёл внутрь.

– За мной следили, – объяснил Элиас, снимая капюшон. – Один из людей из «Последнего Пика». Пришлось потратить время, чтобы оторваться.

Марсель и Сера обменялись обеспокоенными взглядами.

– Это усложняет ситуацию, – мрачно сказал Марсель. – Если за тобой следят, значит, кто-то уже знает о твоём интересе к «Хеликс».

– Возможно, это связано с моей встречей с детективом Окафор, – предположил Элиас. – Кстати, она предоставила интересную информацию. – Он пересказал им всё, что узнал от Окафор, включая связь между жертвами и «Эфемерой», а также истинную личность Кэрол Веги.

– Кэрол Девлин, – задумчиво повторил Марсель. – Дочь Мойры. Я помню её – серьёзная девочка-подросток, которая иногда приходила в «Хеликс» навестить мать. Она всегда держалась отстранённо, наблюдая за происходящим с... странным интересом.

– И теперь она владеет аукционным домом, через который проходят модифицированные воспоминания, – сказала Сера. – Слишком много совпадений, чтобы это было случайностью.

– Если Мойра Девлин была моей биологической матерью, – медленно произнёс Элиас, – это означает, что Кэрол... моя сестра?

– Единокровная сестра, – уточнил Марсель. – Насколько я знаю, у них были разные отцы. Мойра никогда не была замужем – считала это «ненужной социальной условностью». – Он покачал головой. – Это ещё одна причина быть осторожными. Если Кэрол действительно продолжает работу матери, и если она знает о твоей связи с Мойрой, она может видеть в тебе либо потенциального союзника, либо угрозу.

– Или подопытного кролика, – мрачно добавил Элиас. – Учитывая, как Мойра относилась к своему собственному сыну.

– В любом случае, – решительно сказала Сера, – нам нужно спешить. Если за Элиасом следили, возможно, они уже догадались о наших планах посетить «Хеликс».

Марсель кивнул и указал на разложенные на столе инструменты: портативные сканеры, устройства для обхода устаревших систем безопасности, компактное оборудование для извлечения данных со старых серверов.

– Мы готовы, – сказал он. – Моя машина ждёт на подземной парковке в двух кварталах отсюда. С изменёнными идентификационными метками – на случай, если кто-то следит за транспортным потоком.

Они собрали оборудование, распределив его между собой, и покинули студию через тот же задний выход, которым пришёл Элиас. Ночь уже опустилась на город, и моросящий дождь создавал дополнительное прикрытие, затрудняя визуальное наблюдение.

Добравшись до машины Марселя – неприметного тёмного седана с модифицированным двигателем – они отправились к окраинам города, где располагался заброшенный комплекс «Хеликс».

По мере того как они удалялись от сияющего центра Нью-Харбора, городской пейзаж менялся: блестящие небоскрёбы сменялись промышленными зонами, затем заброшенными фабриками и складами – безмолвными памятниками экономическим кризисам прошлого. Дороги становились всё хуже, освещение – реже, а неоновая реклама уступала место граффити и погасшим вывескам.

– Впереди контрольный пункт, – предупредил Марсель, когда они приблизились к границе промзоны. – Обычно здесь только автоматическая система, но иногда бывают и живые охранники.

К их облегчению, пункт оказался пустым, с деактивированными сканерами – похоже, городские власти давно махнули рукой на эту часть Нью-Харбора.

Ещё через десять минут езды по разбитым дорогам они увидели тёмный силуэт, вырисовывающийся на фоне ночного неба – массивное здание с округлыми формами, напоминающее гигантский купол, частично погружённый в землю. «Хеликс» – место, где начались эксперименты, превратившие жизнь Элиаса в ложь.

– Вот и он, – тихо сказал Марсель, останавливая машину в нескольких сотнях метров от здания. – Дом чудовищных открытий и разбитых жизней.

Элиас молча смотрел на тёмное здание, чувствуя странную смесь страха и притяжения. Где-то там, за этими стенами, хранились ответы на вопросы, которые мучили его. И где-то там были доказательства экспериментов, которые могли бы помочь остановить тех, кто пытался возродить технологию «Мнемосин-Альфа».

– Как мы проникнем внутрь? – спросила Сера, проверяя своё оборудование.

– Есть служебный вход, который использовали техники и обслуживающий персонал, – ответил Марсель. – Система безопасности там была минимальной даже в лучшие времена «Хеликс». А сейчас, после двадцати лет запустения, вряд ли она вообще функционирует. – Он указал на восточную сторону здания. – Нам туда.

Они оставили машину замаскированной среди груд металлолома и направились к «Хеликс» пешком, стараясь держаться в тени и избегать открытых пространств. Несмотря на то, что комплекс казался заброшенным, они не могли исключать наличия систем наблюдения или случайных патрулей.

Приблизившись к восточной стороне здания, они обнаружили небольшую дверь, почти скрытую под наростами выющихся растений – природа постепенно отвоёвывала территорию у заброшенного сооружения.

Марсель подошёл к старой панели доступа рядом с дверью и подключил к ней небольшое устройство.

– Система всё ещё активна, – пробормотал он удивлённо. – Кто-то поддерживает базовое энергоснабжение.

– Это плохо? – напряжённо спросила Сера.

– Странно, но не обязательно плохо, – ответил Марсель, работая с устройством. – Возможно, это часть консервации объекта. Или... – он замолчал, сосредоточившись на взломе.

Спустя несколько минут дверь с тихим шипением отъехала в сторону, открывая тёмный коридор.

– Готово, – удовлетворённо сказал Марсель. – Но будьте осторожны. Если базовые системы активны, могут работать и некоторые датчики движения или тепла.

Они включили тусклые фонари на своих нейроинтерфейсах – достаточно яркие, чтобы видеть путь, но не настолько, чтобы их можно было заметить снаружи. Коридор, в который они вошли, был узким и утилитарным, с голыми стенами и пыльным полом, на котором виднелись следы – кто-то посещал это место совсем недавно.

– Кто-то был здесь, – тихо сказал Элиас, указывая на следы.

– И не так давно, – согласился Марсель, присматриваясь к отпечаткам. – Судя по глубине и чёткости, я бы сказал, в течение последней недели.

– Это меняет ситуацию, – напряжённо сказала Сера. – Если комплекс не полностью заброшен...

– Мы будем вдвойне осторожны, – твёрдо сказал Марсель. – Но не отступим. – Он повернулся к Элиасу. – Куда сначала? Лаборатории, где проводились эксперименты, или серверная?

Элиас колебался. Часть его хотела увидеть место, где над ним экспериментировали, где его личность была перекроена по чьему-то замыслу. Но разумом он понимал, что наиболее ценные доказательства будут в серверной.

– Серверная, – решил он. – Нам нужны данные об экспериментах «Табула Раса» и технологии «Мнемосин-Альфа». Если мы найдём связь с нынешними модифицированными воспоминаниями, это даст нам основания для дальнейших действий.

Марсель кивнул и повёл их глубже в здание. По пути они проходили мимо заброшенных офисов, лабораторий и конференц-залов – призраков научной деятельности, которая когда-то кипела в этих стенах. Некоторые комнаты были опустошены, словно кто-то систематически удалял всё, что могло содержать информацию, другие выглядели так, будто люди просто встали и ушли, оставив всё как есть.

По мере продвижения вглубь комплекса Элиас ощущал растущее беспокойство. Это место, эти стены были свидетелями манипуляций, которые превратили его жизнь в искусственную конструкцию. Здесь Мойра Девлин, его биологическая мать, экспериментировала над ним и другими детьми, перекраивая их воспоминания, их личности, их сущность.

– Мы почти у цели, – сказал Марсель, когда они спустились на нижний уровень комплекса. – Серверная находится в конце этого коридора. Это было самое защищённое место в «Хеликс» – бетонные стены, автономное энергоснабжение, полная изоляция от внешних сетей.

Коридор, по которому они шли, был шире предыдущих, с гладкими металлическими стенами, которые тускло отражали свет их фонарей. В конце коридора виднелась массивная дверь с электронным замком и сканером.

– Вот она, – сказал Марсель, останавливаясь перед дверью. – Даже в лучшие времена сюда имели доступ только пять человек во всём «Хеликс». – Он достал из своей сумки специализированный инструмент для взлома. – Это займёт время. Система безопасности здесь была на несколько порядков выше, чем у внешней двери.

– Я могу помочь, – сказала Сера, доставая свой набор для работы с электроникой. – У меня есть опыт обхода систем защиты при аутентификации энграммов.

Пока Марсель и Сера работали над замком, Элиас осматривал коридор, подмечая детали, которые могли указывать на недавнее присутствие людей. И действительно, он обнаружил несколько настораживающих признаков: стёртая пыль в некоторых местах, свежие царапины на стене возле двери, словно кто-то недавно пытался её открыть.

– Здесь определённо кто-то был, – сказал он, возвращаясь к двери. – И, похоже, они тоже пытались проникнуть в серверную.

– Преуспели ли они? – пробормотал Марсель, сосредоточенно работая над замком. – Это мы скоро узнаем.

Спустя несколько минут напряжённой работы замок издал тихий сигнал, и дверь с шипением начала открываться.

– Готово, – с удовлетворением сказала Сера. – Старая система, но удивительно надёжная.

Дверь полностью открылась, и они увидели перед собой большое помещение, заполненное рядами серверных стоек. К их удивлению, некоторые индикаторы на серверах тускло светились – системы всё ещё работали, хотя и в ограниченном режиме.

– Невероятно, – прошептал Марсель. – Кто-то поддерживает серверы в рабочем состоянии все эти годы.

– Но зачем? – спросила Сера. – Какая информация может быть настолько ценной, что её сохраняют два десятилетия после закрытия исследовательского центра?

– Именно это нам и предстоит выяснить, – решительно сказал Элиас, направляясь к центральной консоли управления.

Консоль ожила от их приближения, экраны засветились мягким голубым светом. Система запросила идентификацию.

– И что теперь? – спросил Элиас, глядя на запрос. – У нас нет действующих учётных данных.

– У меня был доступ среднего уровня, – сказал Марсель. – Но сомневаюсь, что он всё ещё активен. И в любом случае, он не дал бы нам доступ к самым важным данным.

– Может, я смогу обойти систему идентификации, – предложила Сера, подходя к консоли. – Если подключить мой анализатор напрямую к порту ввода...

Но прежде чем она успела закончить, экран консоли мигнул, и запрос идентификации сменился сообщением:

«Идентификация по голосу и биометрии лица активирована. Пожалуйста, представьтесь».

Они переглянулись с недоумением.

– Система не должна работать в таком режиме, – озадаченно сказал Марсель. – Это похоже на... приветствие.

Элиас почувствовал странное побуждение ответить. Словно что-то внутри него резонировало с этой просьбой, как если бы система ждала именно его.

– Элиас Верн, – сказал он, шагнув ближе к консоли.

Экран снова мигнул, и появилось новое сообщение:

«Голосовой паттерн распознан. Биометрия лица подтверждена. Субъект Е-7 идентифицирован. Доступ предоставлен».

Элиас почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Система «Хеликс», заброшенная двадцать лет назад, не только узнала его, но и идентифицировала как «Субъект Е-7» – то самое обозначение, которое использовала Мойра Девлин в своих записях, говоря о нём.

– Что это значит? – прошептал он, глядя на экран.

– Это значит, что система была настроена на распознавание тебя, – медленно ответил Марсель. – Словно... словно кто-то ожидал, что однажды ты вернёшься.

– Но кто? – Элиас посмотрел на своего наставника. – Мойра Девлин?

– Возможно, – кивнул Марсель. – Или кто-то другой, кто знал о твоей связи с «Хеликс».

Экран снова изменился, теперь на нём отображалось меню со списком доступных баз данных. Одна из них была выделена: «Проект 'Табула Раса' – Личные архивы М.Д.».

– Личные архивы Мойры Девлин, – прочитала Сера. – Именно то, что мы искали.

Элиас колебался лишь мгновение, затем выбрал выделенную базу данных. Экран заполнился информацией – документы, видеозаписи, аудиофайлы, структурные диаграммы энграммов. Целая история экспериментов, которые Мойра Девлин проводила в «Хеликс».

– Здесь всё, – прошептал Марсель, просматривая список файлов. – Полная документация по «Мнемосин-Альфа», протоколы экспериментов, данные субъектов... – Он покачал головой. – Но почему система предоставила нам доступ? Почему она ждала Элиаса?

Ответ пришёл неожиданно – на экране появилось видео, и лицо Мойры Девлин заполнило собой всё пространство дисплея. Она выглядела старше, чем на фотографии, которую показывал Марсель, с серебристыми прядями в тёмных волосах, но её серые глаза – глаза Элиаса – оставались такими же острыми и пронизательными.

«Если ты смотришь это, Элиас, – начала она, и её голос эхом разнёсся по серверной, – значит, ты вернулся. Значит, ты начал задавать вопросы. Значит, ты готов узнать правду».

Элиас замер, глядя на женщину, которая была его биологической матерью и которая использовала его как подопытного кролика.

«Я записала это сообщение незадолго до закрытия 'Хеликс', – продолжала Мойра. – Когда стало ясно, что наша работа не будет понята и оценена обществом, слишком привязанным к устаревшим представлениям о личности и этике. Я знала, что рано или поздно ты вспомнишь – возможно, через сны, может быть, через случайные вспышки узнавания. И что однажды ты придёшь сюда, ища ответы».

Она сделала паузу, и на её лице появилось выражение, которое можно было бы принять за сожаление, если бы не холодный, расчётливый взгляд.

«То, что мы делали в 'Хеликс', не было жестокостью или неэтичным экспериментом, как утверждали наши критики. Это был следующий шаг в эволюции человечества. Возможность не просто лечить травмы памяти, но переопределить саму концепцию человеческой личности. Создать людей, свободных от ограничений случайных воспоминаний, от травм прошлого, от хаотичности естественного развития».

На экране появились изображения детей разного возраста, включая мальчика, которого Элиас узнал как себя в детстве.

«Проект 'Табула Раса' был моей величайшей работой, – продолжала Мойра. – И ты, Элиас, был его величайшим успехом. Идеальная пластичность нейронных связей, исключительная способность к интеграции имплантированных воспоминаний, стабильность новой личности... – Она позволила себе тонкую улыбку. – Ты был особенным с самого начала. Именно поэтому я выбрала тебя».

Элиас почувствовал, как внутри него нарастает гнев.

«Когда угроза закрытия 'Хеликс' стала реальной, я приняла решение вывести тебя из проекта и разместить в контролируемой среде с имплантированными воспоминаниями о нормальном детстве. Это было не только для твоей защиты, но и для продолжения эксперимента в более естественных условиях. Я хотела увидеть, как долго будет сохраняться стабильность имплантированной личности без активного вмешательства».

На экране появились схемы и диаграммы, показывающие структуру модифицированных воспоминаний и их интеграцию в сознание.

«Но работа не была завершена, – голос Мойры стал жёстче. – Технология 'Мнемосин-Альфа' имела ограничения, которые нам не удалось преодолеть до закрытия 'Хеликс'. Имплантированные воспоминания со временем начинали деградировать, оригинальные паттерны пытались пробиться сквозь искусственные конструкции... Была необходима стабилизация, обновление протокола».

Она снова сделала паузу, и её взгляд, казалось, проникал прямо в душу Элиаса.

«Поэтому я продолжила работу. В других местах, с другими ресурсами. Усовершенствовала технологию, создала 'Мнемосин-Бета' – более стабильную, более глубокую версию оригинального протокола. И теперь... – Она улыбнулась, и эта улыбка заставила Элиаса похолодеть. – Теперь время пришло. Пришло время для следующей фазы. И ты, Элиас, как всегда, будешь в центре этого процесса».

Видео замерло на лице Мойры, её глаза, казалось, смотрели прямо на Элиаса, сквозь годы и пространство.

– Она говорит так, будто жива, – прошептала Сера. – Будто всё это было запланировано...

– И будто эксперименты продолжаются, – мрачно добавил Марсель. – «Мнемосин-Бета» – более совершенная версия технологии модификации воспоминаний.

– Это объясняет появление «истоков» на рынке, – сказал Элиас, не отрывая взгляда от лица своей биологической матери на экране. – Они используют новую технологию для создания более стабильных, более влиятельных модифицированных воспоминаний. – Он покачал головой. – Но зачем? Какова конечная цель?

Словно отвечая на его вопрос, видео продолжилось.

«Ты, возможно, задаёшься вопросом о цели, – сказала Мойра, словно предвидя мысли Элиаса. – О том, зачем мы создаём и распространяем модифицированные воспоминания, зачем продолжаем работу 'Хеликс' даже после его официального закрытия. Ответ прост и сложен одновременно: мы перепрограммируем человечество, Элиас. Шаг за шагом, воспоминание за воспоминанием, мы создаём новый тип людей – свободных от ограничений их случайного прошлого, способных к глубокой интеграции с искусственными конструктами сознания».

На экране появились изображения лабораторий, более современных, чем те, что были в «Хеликс», где учёные работали над энграммами различных цветов и форм.

«Первая фаза уже началась, – продолжала Мойра. – 'Истоки' – модифицированные детские воспоминания, созданные с использованием 'Мнемосин-Бета', распространяются через сеть специализированных дилеров. Люди жаждут ярких, эмоциональных переживаний, и мы предоставляем им это – но с дополнительным эффектом. Каждый имплантированный 'исток' не просто добавляет новое воспоминание – он тонко модифицирует существующую структуру личности, делая её более восприимчивой к дальнейшим изменениям».

Её глаза блеснули каким-то почти религиозным фанатизмом.

«Вторая фаза начнётся, когда критическая масса населения будет подготовлена через 'истоки'. Тогда мы сможем внедрить более глубокие изменения, создавая общество, свободное от разрушительных эмоций, ненужных конфликтов, хаоса индивидуальных травм... Мир, где разум торжествует над случайностями прошлого».

Элиас, Сера и Марсель слушали в ужасе, осознавая масштаб того, что планировала Мойра Девлин и её последователи. Это была не просто неэтичная наука – это был заговор с целью фундаментального изменения человеческого сознания.

«Ты особенный, Элиас, – продолжила Мойра после паузы. – Ты – прототип, первый успешный случай полной интеграции имплантированной личности. Ты доказал, что наша концепция работает в долгосрочной перспективе. И теперь, когда ты вернулся, когда ты начал задавать вопросы, у тебя есть выбор».

Её лицо приблизилось к камере, её глаза – его глаза – смотрели прямо на него.

«Ты можешь присоединиться к нам, сын мой. Стать частью величайшей трансформации в истории человечества. Или ты можешь противостоять нам, цепляясь за устаревшие концепции 'аутентичности' и 'истинной личности'. – Она слегка наклонила голову. – Но знай: если ты выберешь второй путь, мы будем вынуждены рассматривать тебя как аномалию, требующую коррекции. И у нас есть средства для этого».

На этих словах видео закончилось, оставив Элиаса, Серу и Марселя в потрясённом молчании. Наконец, Марсель заговорил, его голос был хриплым от напряжения.

– Мы должны собрать как можно больше данных и немедленно уходить, – сказал он. – Если видео было записано перед закрытием «Хеликс», а работа продолжается, как утверждает Девлин, значит, её организация всё ещё активна. И если система опознала Элиаса...

– То они могли получить оповещение о нашем присутствии здесь, – закончила Сера, уже подключая своё оборудование к консоли. – Я начну копирование данных.

Элиас всё ещё не мог оторвать взгляд от экрана, где только что было лицо его биологической матери. Женщины, которая родила его, а затем превратила в эксперимент. Женщины, которая говорила о перепрограммировании человечества с такой же лёгкостью, с какой другие обсуждали погоду.

– Она безумна, – тихо сказал он. – Совершенно безумна. Но при этом... гениальна в своём безумии.

– Самая опасная комбинация, – мрачно отметил Марсель. – И судя по всему, она не одна. Целая организация работает над продолжением её исследований.

– «Коллектив», – вдруг вспомнил Элиас фразу из документа, который показал ему Марсель. – В записях Мойры было упоминание какого-то «Коллектива». Возможно, это название организации, которая продолжает её работу.

Сера работала быстро, копируя самые важные данные о проекте «Табула Раса» и технологии «Мнемосин-Альфа». Особое внимание она уделяла информации о структурных паттернах модифицированных воспоминаний и методах их интеграции в сознание получателей.

– Здесь столько данных, что мы не сможем забрать всё, – сказала она с сожалением. – Я сосредоточусь на технических спецификациях и последних исследованиях перед закрытием

«Хеликс». Если нам повезёт, там может быть информация о том, куда переместилась Мойра после закрытия центра.

Элиас кивнул и продолжил просматривать доступные файлы на главном экране. Его внимание привлекла папка с названием «Субъект Е-7 – Первичные извлечения».

– Это... мои оригинальные воспоминания? – пробормотал он, открывая папку.

Внутри находились десятки файлов, каждый помеченный датой и типом содержания. Элиас выбрал один из них, помеченный «Первое воспоминание – три года – экстракция 1».

На экране появилось изображение маленького мальчика – его самого – сидящего в странном кресле с множеством датчиков, прикрепленных к его голове. Рядом стояла Мойра Девлин, наблюдая за показаниями на мониторе. Мальчик выглядел испуганным, но не плакал – словно знал, что это бессмысленно.

«Начинаю первую экстракцию, – голос Мойры звучал отстраненно, профессионально. – Субъект Е-7, три года и четыре месяца. Цель – базовое эмоциональное воспоминание с высокой интенсивностью».

Она нажала кнопку на панели управления, и мальчик напрягся, его глаза широко раскрылись, а тело выгнулось в кресле.

«Оптимальные показатели нейронной активности, – продолжала комментировать Мойра. – Чистая эмоциональная реакция, минимальные когнитивные фильтры. Идеальный образец для базовой модификации».

Элиас почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он смотрел на самого себя, на ребёнка, у которого буквально крали воспоминания, словно выкачивая из него часть души.

– Элиас, – мягко сказала Сера, положив руку на его плечо. – Ты не должен это смотреть. Это только причинит тебе боль.

– Я должен знать, – хрипло ответил он. – Должен увидеть, что они со мной сделали.

Он открыл следующий файл, помеченный «Имплантация – базовая семейная конструкция – пять лет».

На этот раз мальчик был старше, но лежал без сознания на медицинской кушетке. Мойра стояла рядом с молодой женщиной в белом халате, которая держала блестящий голубой энграмм.

«Начинаем имплантацию базовой семейной конструкции, – сказала Мойра. – Это заменит его настоящие воспоминания о раннем детстве фабрикацией о любящих родителях-интеллектуалах. Включены ключевые эмоциональные якоря: любовь к классической музыке, ассоциация безопасности с запахом роз, базовое доверие к авторитетным фигурам».

Молодая женщина поместила энграмм в специальное устройство, которое затем было прикреплено к голове мальчика. По мере того как процедура продолжалась, лицо ребёнка менялось – сначала напряжённое, затем постепенно расслабляющееся, приобретающее почти мечтательное выражение.

«Имплантация успешна, – объявила Мойра после нескольких минут. – Нейронные связи формируются согласно прогнозу. После пробуждения субъект будет иметь полный комплект искусственных воспоминаний о первых пяти годах жизни, заменяющих его настоящий опыт в 'Хеликс'».

Элиас почувствовал, как слёзы текут по его лицу. Это было слишком – видеть, как его личность буквально перестраивалась чужими руками, как его прошлое стиралось и заменялось фабрикацией.

– Хватит, – тихо, но твёрдо сказал Марсель, закрывая файл. – Ты видел достаточно, Элиас. Теперь мы должны сосредоточиться на настоящем и будущем. На том, как остановить этих людей.

Элиас кивнул, вытирая слёзы. Марсель был прав – погружение в прошлое, которое он не мог изменить, не поможет остановить «Коллектив» и их планы по манипуляции сознанием через модифицированные воспоминания.

– Копирование завершено на 75%, – сообщила Сера, проверяя своё оборудование. – Ещё несколько минут, и мы сможем уходить.

Внезапно система безопасности активировалась, и по серверной прокатился низкий гудящий сигнал тревоги.

– Что происходит? – напряжённо спросил Элиас.

Марсель быстро проверил мониторы безопасности.

– Кто-то вошёл в здание через главный вход, – сказал он, указывая на экран с изображением от камер наблюдения. – Несколько человек, профессиональное оборудование. Судя по всему, охрана.

– Нас обнаружили? – Сера ускорила процесс копирования, жертвуя некоторыми данными ради скорости.

– Возможно, – мрачно ответил Марсель. – Или это плановая проверка. В любом случае, у нас мало времени.

– Мне нужно ещё три минуты, – сказала Сера. – Я почти закончила с основными техническими спецификациями «Мнемосин-Бета».

– У вас есть две минуты, – решительно сказал Марсель, доставая из своей сумки небольшое устройство. – Затем мы уходим, независимо от того, закончено копирование или нет.

Он подошёл к двери серверной и установил устройство на панель управления.

– Это создаст ложный сигнал в системе безопасности, – объяснил он. – Заставит их думать, что нарушение было в другой части комплекса. Это даст нам немного форы.

Элиас вернулся к консоли, лихорадочно просматривая оставшиеся файлы в поисках информации, которая могла бы указать на местонахождение «Коллектива» или их планы. В последний момент его внимание привлекла папка с названием «Фаза 2 – Точки развёртывания».

Он быстро открыл её и увидел карту Нью-Харбора с отмеченными на ней точками – местами, которые, судя по всему, имели особое значение для второй фазы плана Мойры Девлин.

– Сера, копируй это, – быстро сказал он, указывая на файл. – Это может быть карта их операционных центров.

Сера кивнула и перенаправила процесс копирования, захватывая новый файл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.